

<p>Мне Маркса жаль: его наследство Свалилось в русскую купель; Здесь цель оправдывала средство, И средства обосрала цель.</p>	<p>I pity Marx: his works got pitted when had to Russian font descend: fair ends therein foul means acquitted, the means, in turn, messed up the end.</p>
<p>Не в силах нас ни смех, ни грех Свернуть с пути отважного; Мы строим счастье сразу всех, И нам плевать на каждого.</p>	<p>There's nothing that could force our guild to change its social ritual: collective happiness we build and spit on individual.</p>
<p>Дороги к русскому ненастью Текли сквозь веру и веселье; Чем коллективней путь ко счастью, Тем горше общее похмелье.</p>	<p>The roads which led to Russia's sorrow went through blind faith & merry-making; the bigger crowds sought bright tomorrow the worse was their hungover waking.</p>
<p>Сомненья мне душу изранили И печень до почек проели; Как славно жилось бы в Израиле, Когда б не жара и евреи.</p>	<p>I pine for the Promised Land. Is she real? From doubts I cannot break loose. How dandy – life would be in Israel, if 't weren't for the swelter & Jews.</p>
<p>Возглавляя партии и классы, Лидеры вовек не брали в толк, Что идея, брошенная в массы, Это – девка, брошенная в полк.</p>	<p>Heading sections, factions, parties, classes, their leaders never understood that idea <i>thrown into the masses</i> was a hussy by the soldiers screwed.</p>
<p>Сильна Россия чудесами И не устала их плести: Здесь выбирают овцы сами Себе волков себя пасти.</p>	<p>Yarn-spinning art is Russia's <i>forte</i>, it gets improved and always rules; the native sheep comply: prefer they to name their own shepherd wolves.</p>
<p>День Конституции напомнил мне Умершей бабушки портрет: Портрет висит в любимой комнате, А бабушки давно уж нет.</p>	<p>The Constitution Day makes me recall the portrait of my granny, now deceased: the portrait is still hanging on the wall, while Grandma is long gone & badly missed.</p>

Пришёл я к горестному мнению От рассуждений долгих лет: Вся сволочь склонна к единению, А все порядочные – нет.	Long past my prime, I know precisely, from bitter knowledge much distraught: all scumbags band together nicely, all decent chaps – would rather not.
Моей бы ангельской державушке – Два чистых ангельских крыла; Но если был бы хер у бабушки, Она бы дедушкой была.	I wish two wings, snow-white & quick, my angel country had; but if grandma could sport a dick, she would be called 'granddad'.
Критерий качества державы – Успехи сук и подлецов; Боюсь теперь не старцев ржавых, А белозубых молодцов.	The freedom of a nation withers if ruling rascals holds she dear; afraid no more of senile geezers, the grinning alpha males I fear.
Как у тюрем стоят часовые, У Кремля и посольских дворов; Лучше всех охраняет Россия Иностранцев, вождей и воров.	As if guarding a jail, cops are spooking Under Kremlin and embassies eaves; best of all, Russia's always been looking after foreigners, leaders, and thieves.
Любой большой писатель русский Жалел сирот, больных и вдов, Слегка стыдись, что это чувство Не исключает и жидов.	Each Russian writer, spoiled by fashion, the sick and poor did pity much, a bit ashamed that his compassion concerned as well the Yids as such.
Я государство вижу статуей: Мужчина в бронзе, полный властности; Под фиговым листочком спрятанный, – Огромный орган безопасности.	The bronze male statue, standing in my eyes, personifies the state of near obscurity: the fig leaf, hiding crotch, cannot disguise the size of apparatus of security.
Вечно и нисколько не старея, Всюду и в любое время года, Длится, где сойдутся два еврея, Спор о судьбах русского народа.	Anywhere on Earth, in any weather, never ends the evergreen discussion, held by Jews whom Chance has brought together, as to what it means to be a Russian.

Не в том беда, что наглой челяди Доступен жирный ананас, А в том, что это манит в нелюди Детей, растущих возле нас.	I envy not the larders ample of valetry whose souls are hollow, but I detest the vile example which our hungry kids may follow.
Язык вранья упруг и гибок, И в мыслях строго безупречен; А в речи правды – тьма ошибок, И слог нестройностью увенчан.	The speech of lies is suave & fluent, in style – it draws nigh to perfection; the speech of truth by slips is ruined and marred by logic disconnection.
Мужику в одиночестве кисло, Тяжело мужику одному, А как баба на шее повисла, Так немедленно легче ему.	When a Bro is alone, he's a wreck. He's a sour-faced, sorry-ass dunce. But a chick hanging round his neck makes him feel so much better at once.
Года меняют наше тело, Его сберечь не удаётся; Что было гибким – затвердело, Что было твёрдо – жалко гнётся.	Our aging body feels so diff, and then, at last, its vigor ends: what had been supple is now stiff, what had been rigid – limply bends.
Меня не оставляет чувство бегства: закат мой не угрюм и даже светел, но кажется, что я сбежал из детства и годы, что промчались, не заметил.	I am obsessed by fleeing in my dreams though my decline feels safe & free from fears. Alas, I fled my childhood, so it seems, and overlooked the quickly passing years.
Пора мне, ветхому еврею, жить, будто я отсутствую; не в том беда, что я старею, а в том, как остро это чувствую.	A time-worn Jew, I have but to behold my life's seclusion more & more routinely; it's only half the problem I am old, the trouble is I'm sensing it so keenly.
Себя зачислить в Стены Плача Должна Кремлёвская стена: Судьбы российской неудача – На ней евреев имена.	The Kremlin Wall is woebegone and deems itself a wall of wailing: the Jewish names, displayed thereon, all witness Russia's fateful failing.

<p>Снова церковь – и в моде, и в силе, Но творится забавная драма: Утвердились при власти в России Те, кого изгонял Он из храма.</p>	<p>Church again is in power and fashion, yet the citizens laugh up their sleeves: those who hold Russia's helm in succession made the Temple a harbor of thieves.</p>
<p>Один еврей другого не мудрей, Но разный в них запал и динамит, Еврей в России больше, чем еврей, Поскольку он ещё антисемит.</p>	<p>Across the globe, all Jews use equal ruse, but with a different fuse and dynamite: in Russia, Jews are more than just-so Jews 'coz each on top is an anti-Semite.</p>
<p>Непросто – думать о высоком, Паля душой в мирах межзвёздных, Когда вокруг под самым боком Храпят, жуют и портят воздух.</p>	<p>It is not easy for my soul sublime to th' Empyrean peacefully depart, when others by my side, most of the time, prefer to loudly snore or chomp or fart!</p>
<p>Россия ждёт, мечту лелея О дивной новости одной: Что, наконец, нашли еврея, Который был всему виной.</p>	<p>How Russia yearns—and cannot hide it— that finally some Jewish devil would be sought out and then indicted as the primeval root of evil!</p>
<p>Я с юности грехами был погублен И Богу мерзок – долгие года, А те, кто небесами стал возлюблен, Давно уже отправились туда.</p>	<p>Since tender age, I ruined life in sin; for many years by God I have been blamed. While those of virtue, most beloved by Him, from mortal life were long ago reclaimed.</p>
<p>Обманчива наша земная стезя, Идёшь то туда, то обратно. И дважды войти в ту же реку нельзя, А в то же говно – многократно.</p>	<p>The path of our life, like the rolling of dice, leads us to stray hither and yon. No man ever steps in the same river twice, but in the same shit – on and on!</p>
<p>По ветвям! К бананам! Где успех! И престиж! Ещё один прыжок! Сотни обезьян стремятся вверх, И ужасен вид их голых жоп.</p>	<p>Climb up the branches! Pick the ripest fruit! Achieve prestige by making leaps & jumps! Baboonish crowds engage in the pursuit, and dreadful is the look of bare bums.</p>

<p>Россия веками рыдает О детях любимых своих. Она самых лучших съедает И плачет, печалась о них.</p>	<p>Among the world's most cultured powers, our Russia stands detached and strong: she her best children first devours and then... bewails for ages long.</p>
<p>Не тужи, дружок, что прожил Ты свой век не в лучшем виде: Все про всех одно и то же Говорят на панихиде.</p>	<p>Pal, if no achievements life could bring why complain you've lived it like a knave? All the mourners say the same old thing of the coffin'ed near the yawning grave.</p>
<p>Везде в эмиграции та же картина, С какой и в России был прежде знаком: Болван идиотом ругает кретина, Который его обозвал дураком.</p>	<p>A nest of vipers in a clusterfuck, – such is the emigration, as a rule: a dork sez to a dimwit, “You're a schmuck!” for being called “a crazy raving fool.”</p>
<p>Я охладел к научным книжкам Не потому, что был ленив: Ученья корень горек слишком, А плод, как правило, червив.</p>	<p>I let my textbooks lie as litter but not because of idle yearning: the Root of Study was too bitter, too rotten was the Fruit of Learning.</p>
<p>Наследства нет, а мир суров: Что делать бедному еврею. Я продаю своё перо И жаль, что пуха не имею.</p>	<p>The world is harsh, dad's will was nil. A Jewish rhymester on the town, I peddle out my sorry quill and wish I also had some down.</p>
<p>Бюрократизм у нас от немца А лень и рабство от татар, И любопытно присмотреться, Откуда винный перегар.</p>	<p>Red tape we borrowed from the krauts and from the slants – a taste for death, but from what mystic whereabouts we got that morning-after breath?</p>
<p>Еврею нужна не простая квартира: еврею нужна для жилья непорочного квартира, в которой два разных сортира: один для мясного, другой для молочного.</p>	<p>A Jew requires a habitat to keep kashrut as bereishit: two separate crappers needs his flat: to flush milk-based and meat-based shit.</p>

<p>Пишу не мерзко, но неровно; трудиться лень, а праздность злит. Живу с еврейкой полюбовно, хотя душой – антисемит.</p>	<p>My verse is patched and yet it isn't ugly; I neither toil nor idleness abide. I am conjoined in Jewish wedlock snugly, though I'm an anti-Semite deep inside.</p>
<p>Евреям доверяют не вполне и в космос не пускают, слава Богу; евреи, оказавшись на Луне, устроят там базар и синагогу.</p>	<p>The trust in Jews we're always to impugn; in flights to space, they're constant underdogs: 'coz if 'em Jews could make it to the Moon it would be full of souks and synagogues.</p>
<p>Катаясь на российской карусели, наевшись русской мудрости плодов, евреи столь изрядно обрусели, что всюду видят происки жидов.</p>	<p>Lined up the Russian hobbyhorse to ride and Slavic wisdom most of all esteeming, the Russian Jews became so russified they can descry each hidden hebe scheming.</p>
<p>Шепну я даже в миг, когда на грудь уложат мне кладбищенские плиты: женитьба на еврейке – лучший путь к удаче, за рубеж, в антисемиты.</p>	<p>I'll say it, even if they are to lay a tombstone on my chest. Embrace the news: To wed a Jewess is the quickest way to thrive, to live abroad, to hate the Jews.</p>
<p>Евреи собирают документы, чтоб лакомиться южным пирогом; одни только теперь интеллигенты останутся нам внутренним врагом.</p>	<p>To flee from pains, in search of future gains, the Russian Jews are packing up to go; now the intelligentsia remains the one and only Russia's inner foe.</p>
<p>Нет ни в чём России проку, странный рок на ней лежит: Пётр пробил окно в Европу, а в него сигает жид.</p>	<p>Tsar Peter was esteemed & blessed until his fame was put in doubt: he'd hacked a window to the West – now through it Yids are bailing out.</p>
<p>Раскрылась правда в ходе дней, туман легенд развеяв: евреям жить всего трудней среди других евреев.</p>	<p>At last, the time has come to tell the now apparent truth: to Jews the hardest is to dwell among their fellow Jews.</p>

По всем приметам Галилей (каким в умах он сохранился) Был чистой выделки еврей: Отрёкся, но не изменился.	Don't look at Galilei askant, he was a Jew in kind: he let 'em force him to recant but didn't change his mind.
Еврейский дух слезой просóлен, душа хронически болит; еврей, который всем доволен, – покойник или инвалид.	The Jewish heart is salted down with tears, the Jewish soul locks up a stifled cry; a Jew, all-satisfied and free from fears, is either dead or just about to die.
Что изнутри заметно нам, отлично видно и снаружи: еврей абстрактный – стыд и срам, еврей конкретный – много хуже.	What the community conceals, a poet must disclose in verse: an abstract Jew is hell on wheels, a real Jew is tenfold worse.
Не верю в разум коллективный с его соборной головой: в ней правит бал дурак активный или мерзавец волевой.	I mistrust the mind of a collective whose advance is steered downhill by a fool, in goofiness proactive, or a stinker, driven by ill will.
Когда еврей наживой дорожит в убогом вожделении упрямом, то Бога я молю, чтоб Вечный жид не стал в конце концов Грядущим Хамом.	When Jude continues lucre to pursue for still more gold into his purse to cram, I pray to God that the Eternal Jew would not end up as the Forthcoming Ham.
Варясь в густой еврейской каше, смотрю вокруг, угрюм и тих: кишмя кишат сплошные наши, но мало подлинно своих.	In kosher <i>kasha</i> , cooking in a pot, morose and mute, I view this human brew: it teems with fellow Hebrews—does it not?— but real soul-mate Jews are very few.
Слілись две несовместных природы под покровом израильской кровли – инвалиды российской культуры с партизанами русской торговли.	In Russia, antithetic in conformance, they go together in Israeli shade – the invalids of musical performance and the guerrillas of black-market trade.

Не терпит еврейская страстность елейного мёда растления: еврею вредны безопасность, покой, и любовь населения.	The Jewish impervious ardor rejects the corruptive allure: a Jew always suffers much harder when he is both safe and secure.
Чтоб русское разрушить государство, вокруг себя, куда ни посмотри, – евреи в целях подлого коварства Россию окружают изнутри.	Conspiring Russian statehood to destroy, as far as one can see, they're closing in, – the Jews, afire with malicious joy, encircle Holy Russia from within.
Есть мечта – меж евреев она протекает подобно реке: чтоб имелась родная страна и чтоб жить от неё вдалеке.	One dream, descending from above, unites the Jews: they are to have the native land to love – but only from afar.
Чтобы слушать любого поэта, мне хватает и сил, и терпения, и меня уважают за это виртуозы фальшивого пения.	Every rhymist gets my audianza 'coz I have an ample pazienza – and for this I'm held in great rispetto by the virtuosi di falsetto.
Российской власти цвет и знать так на свободе воскипели, что стали с пылом продавать всё, что евреи не успели.	Co-riding on the Kremlin carousel, corrupted by the unrestrained discretion, whatever Jews did not have time to sell, new Russian nobles realize with passion.
Мы братья – по пеплу и крови. Отечеству верно служа, мы – русские люди, но наш могоендóвид пришит на запасный пиджак.	Through hardships, like brothers, we brave it, in serving Our Land – resolute; we are Russian people but our Mogen David is sewn on the Saturday suit.
Еврея тянет выше, выше, и кто не полный идиот, но из него портной не вышел, то он в учёные идёт.	A Jew climbs like a rocket-rider, and one, whose mind is far from dark but still does not befit a <i>schneider</i> , becomes a scholar or a clerk.

Весной в России жить обидно, весна стервозна и капризна, сошли снега, и стало видно, как жутко з́асрана отчизна.	The Russian spring annoys us every way, its nasty shifts of mood are hard to stand: the cloak of snow has vanished to display how bad we've shitified our Motherland.
Живу я, почти не скучая, жую повседневную жвачку, а даму с собачкой встречая, охотней смотрю на собачку.	Now that life has reached its epilogue, I intend to change the subject matter: when I meet <i>a lady with a dog</i> , I prefer to scrutinize the latter.
На всех осталась прошлого печать, а те, кто были важными людьми, стараятся обычно умолчать, что, в сущности, работали блядьми.	To all of us the Past affixed its seal but those who held the rudder—not the oars— are desperately trying to conceal the fact they acted like obliging whores.
При папах выросшие дети в конце палаческой утопии за пап нисколько не в ответе, хотя отцов – живые копии.	The sons of the villainous lads who killed for the Terrible State do not bear the blame for their dads although the resemblance is great.
Нам мечта – путеводная нить, мы в мечте обретаем отраду; чтоб мечту про Израиль хранить, уезжают евреи в Канаду.	We can all hardships in a dream withstand by finding solace in its constant glow; to keep the cherished dream of Promised Land, to Canada—not Canaan!—Jews must go.
Судьба нас дёргает, как репку, а случай жалостлив, как Брут; в России смерть носила кепку, а здесь на ней чалма внакрут.	Fate beams at us like dire mishap, doom bolsters us like methyl bourbon; in Russia, Death had worn a cap, in Israel, she wears a turban.
Любой злодей и басурманин теперь утешен и спокоен: в России был он Ванька Каин, у нас он будет – Венька Коэн.	Now every villain may rejoice again and be in theft and murder easygoin': in Russia, he was nicknamed <i>Vanya Cain</i> ; in Israel, we'll call him <i>Benya Cohen</i> .

Сойдясь из очень разных дальностей в ничью пустынную страну, евреи всех национальностей слепить пытаются одну.	Arriving from distant locations, in deserts, belonging to none, the Jews of all possible nations try molding themselves into one.
Тут вечности запах томительный, и овощи-фрукты дешёвые, и климат такой изумительный, вот только соседи хреновые.	Here ancientries don't look lugubrious, the dwellings are light and commodious, the air is crisp and salubrious, and only the neighbors are odious.
Когда Россия дело зла забрала в собственные руки, то мысль евреев уползла в диван культуры и науки.	When Russia snatched the reins of evil from the improper ethnic hand, the Jews—to live through this upheaval— of art and science took command.
Никуда ни уйдя ни на чуть, мы все силы кладём на кружение, ибо верим не в пройденный путь, а в творимое нами движение.	Without ever advancing a jot, we are zealously running around; in the distance-made-good we trust not, but our faith in the stir is profound.
Бывает – проснёшься, как птица, крылатой пружиной на взводе, и хочется жить и трудиться; но к завтраку это проходит.	At times, I wake up early, like a bird, agog for loads of work to seize the day; but once the call to breakfast has been heard my good intentions quickly fade away.
Чтоб дети зря себя не тратили ни на мечты, ни на попытки, из всех сосцов отчизны-матери сочатся крепкие напитки.	Lest the children ever know any dream or aspiration, sundry spirits freely flow from the breasts of Mother Nation.
Каков он, идеальный мой читатель? С отчётливостью вижу я его: он – скептик, неудачник и мечтатель, и жаль, что не читает ничего.	When contemplating my ideal reader, in the mind's eye I clearly see his look: he is a skeptic, misfit, and daydreamer, too bad he hardly ever reads a book.

При сильно лихой непогоде тревожится дух мой еврейский, в его генетическом коде ковчег возникает библейский.	When showers pour on my abode, my Hebrew spirit grows uneasy: preserved in its genetic code, the Ark of Noah still makes me queasy.
А время беспощадно превращает, летя сквозь нас и днями и ночами, пружину сил, надежд и обещаний в желе из жёлчи, боли и печали.	Time is a relentless god, I figure, who reduces each new soul again from a ball of promise, hope, and vigor to a blob of sorrow, bile, and pain.
У самого кромешного предела и даже за него теснимый веком, я делал историческое дело – упрямо оставался человеком.	I met my cruel times in opposition, I aged like wine, I let my spirits mellow, fulfilling the sublime historic mission – above all, to remain a decent fellow.
Ссорились. Тиранили подруг. Спорили. Работали. Кутили. Гибли. И оказывалось вдруг, что собою жизнь обогатили.	We tyrannized our janes, we bawled about, we worked to go for all that we could feature, we jollified, we died... – and it turned out that due to our efforts life grew richer.
Забавный органчик ютится в груди, играя средь разного прочего то светлые вальсы, что всё впереди, то танго, что всё уже кончено.	A funny orchestrion dwells in my head with two types of tunes playing on: 1) waltzes that everything still lies ahead; 2) tangos that all's past and gone.
Что с изречения возьмёшь, если в него всмотреться строже? Мысль изречённая есть ложь... Но значит, эта мысль – тоже.	With maxims, it is not all cut-and-dry, each dictum should be analyzed anew: they say, <i>a thought, once uttered, is a lie...</i> but then this very saying is untrue.
Обживая различные страны, если выпало так по судьбе, мы сначала их жителям странны, а чуть позже мы странны себе.	Domiciling at foreign locations, we succumb to the émigré's stress: we look strange first to their populations, and soon afterwards – strange to ourselves.

<p>И спросит Бог: «Никем не ставший, зачем ты жил? Что смех твой значит?» – «Я утешал рабов уставших!» – ответчу я, – и Бог заплачет.</p>	<p>When asked by God, my future fate controlling: “What was your goal in life, you funny creep?” – “I spent my time Your weary slaves consoling,” – I will reply, – and God will start to weep.</p>
<p>Даже в тесных объятьях земли буду я улыбаться, что где-то бесконвойные шутки мои каплют искорки вольного света.</p>	<p>It gladdens my soul, dear blokes, I’ll smile in the subsurface kingdom that somewhere my labor camp jokes still sparkle with flashes of freedom.</p>
<p>Как ни туманна эта версия, но в жизни каждого из нас есть грибоедовская Персия и есть мартыновский Кавказ.</p>	<p>Although each fate sticks to a different plan, man’s life is dualistic in its course: at times, it’s Griboyedov’s Teheran; at other times, – Martynov’s Pyatigorsk.</p>
<p>Ничто не ново под луной: удачник розов, жёлт страдалец, и мы не лучше спим с женой, чем с бабой спал неандерталец.</p>	<p>Beneath the moon, there’s nothing new: though humankind gets wiser, taller, a spouse receives no better screw than jane of a Neanderthaler.</p>
<p>Сбываются – глазу не веришь – мечты древнеримских трудящихся: хотевшие хлеба и зрелищ едят у экранов светящихся.</p>	<p>Today discards the last pretenses: the Roman plebs could not envision the fans of <i>panem et circenses</i> who ate while watching <i>tele-vision</i>.</p>
<p>Стал на диване я лежать, уйдя на полную свободу, и не хочу принадлежать я ни к элите, ни к народу.</p>	<p>To full freedom I procured the pass, lying on the sofa all day long; both the upper and the lower class I defy, unwilling to belong.</p>
<p>Сочтя свои утраты и потери, поездивши по суше и воде, я стал космополитом в полной мере: мне жить уже не хочется нигде.</p>	<p>A paradise on earth is cock-and-bull, throughout my life I never ceased to roam; and now, a cosmopolitan in full, I see no place I’d wish to make my home.</p>

Что угодно с неподдельным огнём я отстаиваю в споре крутом, ибо, только настояв на своём, понимаю, что стоял не на том.	Debating till it turns into a fray, I'm sticking to my colors all along, since only after having it my way I realize that I was badly wrong.
Мне не надо считать до ста, крепок сон и храплю кудряво; то ли совесть моя чиста, то ли память моя дырява.	Not needing to count sheep or deer, each night to the dreamland I cross, for either my conscience is clear, or I have a memory loss.
Я думаю о грязи, крови, тьме, о Божьем к нашей боли невнимании; я думаю о Боге – Он в уме? И ум ли это в нашем понимании?	I think about the dirt, the blood, the dark, about His disregard for human pain: does God allow it simply for a lark? and should we still consider Him as sane?
Мучась недоверием к уму или потому, что духом нищи, – люди ищут Бога. Но Ему ближе те, которые не ищут.	Anguished by distrust in human mind, poor in spirit, insecure and meek, – men are seeking God, and some do find. But He still prefers those who don't seek.
Русское грядущее прекрасно, путь России тяжек, но высок; мы в говне варились не напрасно, жалко, что впитали этот сок.	Russia's future brightens up again, for success she has no time to loose; we were stewed in feces not in vain, pity we absorbed that fecal juice.
Я живу, постоянно краснея за упадок ума и морали: раньше ввали гораздо честнее и намного изящнее крали.	For the old days I'm wistfully sighing: when malfeasance required concealing, when a crook was more honest in lying, and a thief – more exquisite in stealing.
У зла с добром – родство и сходство: хотели блага все злодеи, добро всегда плодило скотство, а зло – высокие идеи.	How neatly Good & Evil splice: duress becomes a panacea, humaneness ends in beastly vice, and malice brings a good idea.

Весь путь наш – это времяпровождение, отмеченное пьянкой с двух сторон: от пьянки, обещающей рождение, до пьянки после кратких похорон.	This life is just a sojourn on the Earth, its start & finish marked off with a feast: a booze-up to prepare for future birth and booze-up at the wake for the deceased.
Ждала спасителя Россия, жила, тасуя фотографии, и, наконец, пришёл мессия, и не один, а в виде мафии.	In expectation of Messiah, exchanging reason for religion, you, Russia, chose a godless sire and fell a prey to jobsters' legion.
Способный нерадивый ученик, забывший о единственности срока, я жизнь мою пишу как черновик, надеясь на продление урока.	A gifted truant, who is rather daft in the belief his term was open-ended, I write my life, as if it were a draft, convinced the time-in-class would get extended.
Сломав берёзу иль осину, Подумай, что оставишь сыну. Что будет сын тогда ломать? Остановись, ебёна мать!	Each time you break a tender tree, think – what your son will get from thee? Will there be trees for him to break? I pray thee – stop it for fuck's sake!
Нас маразм не обращает в идиотов, а в склерозе много радости для духа: каждый вечер – куча новых анекдотов, каждой ночью – незнакомая старуха.	Alzheimer's furtive masterstrokes exhilarate your aging head: each day – a bunch of latest jokes, each night – a different crone in bed.
С Богом я общаюсь без нытья И не причиняя беспокойства: Глупо на устройство бытия Жаловаться автору устройства.	When I converse with God, let's make it plain, I realize: the train has left the station and there is no good reason to complain to the Creator of His own creation.
Лицо нещадно бороздится следами болей и утрат, а жопа – нежно гладколица, поскольку срёт на всё подряд.	The face displays the hardships' patin': regrets & sorrows furrow it; the ass, for one, is smooth like satin: it shits – and doesn't give a shit.

<p>Всегда еврей легко везде заметен, еврея слышно сразу от порога, евреев очень мало на планете, но каждого еврея – очень много.</p>	<p>In every crowd you'll always tell a Jew: in each debate a Jew puts his two penny. Though on the globe the Jews are very few, each separate Jew is felt like very many.</p>
<p>Не тем еврей стал плох, что ест свой хлеб, А тем, что проживая в своём доме Настолько стал бездушен и свиреп, Что стал сопротивляться при погроме.</p>	<p>It's not their homes that make the Jews look bad: it's that—in perpetrating 'social' programmes— the Jews became so militant, so mad that now they even dare resisting <i>pogroms</i>.</p>
<p>Напрасны все прихлопы и притопы, Впустую антраша и пируэты – Пространство цепенеющей Европы Победно заселяют минареты.</p>	<p>Her song & dance is wasted once again, with all its entrechats & pirouettes, – the torpid Europe has but to sustain the coming of victorious <i>minarets</i>.</p>
<p>Ни мечтой себя не греем, Ни надеждами благими: Вряд ли мир простит евреям То, что вечно делал с ними.</p>	<p>We place no hopes in mercy's name, nor do we think all men are brothers: who can absolve the Jews from blame for what the Jews endured from others?</p>
<p>Ворует власть, ворует челядь, вор любит вора укорять; в Россию можно смело верить, но ей опасно доверять.</p>	<p>For show by thievery disgusted, a thief condemns another thief; this Russia hardly can be trusted, – she's worthy only of belief!</p>
<p>В нас долго бились искры света, Но он погас. Могила праведника – это Любой из нас.</p>	<p>The souls, which shone in heaven's light, now turn to gloom. Each one of us hides deep inside a zaddik's tomb.</p>
<p>Везде, где нет запоров у дверей, и каждый для любого – брат и друг еврей готов забыть, что он еврей, однако это помнят все вокруг.</p>	<p>Where goods are free to all – just come & take, where one can only friends & brothers find, a Jew may all his Jewishness forsake but those around will keep this fact in mind.</p>

Мир хотя загадок полон, есть ключи для всех дверей: если в ком сомненья, кто он, то, конечно, он – еврей.	World is riddles all about, still each riddle has a clue: if one puts himself in doubt, he must surely be a Jew.
Здесь еврей и ты и я, мы – единая семья: от шабата до шабата брат наёбывает брата.	Here the Jewish—you & me— are a single family: 'twixt the <i>shabbesim</i> one brother always seeks to screw another.
С азартом жить на свете так опасно, Любые так рискованны пути, Что понял я однажды очень ясно: Живым из этой жизни не уйти.	A thrilling life endangers one severely, its ways can be too risky to survive; and then one realizes all too clearly: he can't forsake this life and stay alive.
Когда-то стаи дикарей, гуманность не нажив, ещё не знали, кто еврей, и ели всех чужих.	Humaneness was exotic to the savages of old: they didn't know who was a Jew and ate 'em strangers all.
Высокий свет в грязи погас, Фортуна новый не дарует; Блажен, кто верует сейчас, Но трижды счастлив, кто ворует.	The loss of Heaven's light we grieve; submerged in dirt, we can't but feel that blessed are those who believe, but threefold blessed – those who steal.
Молодое забыв мельтешение, очень тихо живу и умеренно, но у дряхлости есть утешение: я уже не умру преждевременно.	The youthful fussing long forgotten, I dwell in peace and moderation; as the untimely death is rotten, my dotage is my consolation.
Настала старости зима и дряхлы все до одного: и те, кто выжил из ума, и те, кто прожил без него.	Their better years way behind, all senile geezers feel like shit: both those who went out of their mind, and those who went without it.

С роскошной концовкой короткой хочу написать я рассказ: Кутузов и Нельсон за водкой беседуют с глазу на глаз.	The flashback, on which I keep musing, does brothers in arms glorify: Kutuzov and Nelson are boozing, maintaining a close eye to eye.
Среди земных поводырей, туда зовущих, где прекрасно, довольно часто был еврей, и был, по-моему, напрасно.	Among the guides who called their ewes to a far land of milk and honey, quite often figured ardent Jews – but I think they should not have done it.
Живя в загадочной отчизне из ночи в день десятки лет, мы пьём за русский образ жизни, где образ есть, а жизни нет.	In our land, with secrets rife, we do the umpteenth vodka shot to our Russian way of life where way exists, and life – does not.
Не мудрёной, не тайной наукой, проще самой простой простоты – унижением, страхом и скукой человека низводят в скоты.	So much faster than indoctrination, so much simpler than rites of the East: boredom, fear, and humiliation are reducing a Man to a beast.
В двадцатом удивительном столетии, польстившись на избранничества стимул, Россия показала всей планете, что гений и злодейство – совместимы.	With Worldwide Revolution flags unfurled, as the elect, to no one else compared, the Soviets demonstrated to the world that genius and villainy are paired.
Живым дыханьем фразу грей, а не гони в тираж халтуру: сегодня только тот еврей, кто теплит русскую культуру.	Imbue with life your every line and shun potboilers, if you can; make Russian culture glow & shine <i>and you will be a Jew, my man!</i>
Везде одинаков Господень посев, и врут нам о разности наций; все люди – евреи, и просто не все нашли пока смелость признаться.	God's seeds are the same wheresoever we probe. Damn jingoists! Shut up and quit it! All people are Jewish around the globe: some just have no guts to admit it.

<p>Отца родного не жалея, когда дошло до словопрения, в любом вопросе два еврея имеют три несхожих мнения.</p>	<p>Their quarrel resounds in the hallways, – we know that two arguing Jews, debating an issue, would always have several differing views.</p>
<p>Из двух несхожих половин мой дух слагается двояко: в одной – лукавствует раввин, в другой – витийствует гуляка.</p>	<p>Uneven halves on constant standby compose me as a <i>bel-esprit</i>: one domiciles a wily rabbi, the other hosts a debauchee.</p>
<p>За всё на евреев найдётся судья. За живость. За ум. За сутулость. За то, что еврейка стреляла в вождя. За то, что она промахнулась.</p>	<p>When blaming the Jews, there are cases for each: for being so salient, so fluid, for that ‘twas a Jewess who shot at Ilyich, for that she so hopelessly blew it.</p>
<p>Фортуна с евреем крута, поскольку в еврея вместились и русской души широта, и задницы русской терпимость.</p>	<p>Fortuna oft mistreats them so, because the Jews, it comes to pass, combine the spacious Russian soul and the enduring Russian ass.</p>
<p>В Израиле ты снял Руси вериги и сделал с могоендóвидом наколки; но, даже возвратясь к “народу Книги”, остался ты, как был, “свиньёй в ермолке”.</p>	<p>You hung the Russian shackles on a hook, tattooed the Star of David on your chest; but, having joined the People of the Book, you’re still <i>a skullcap-wearing pig</i> at best.</p>
<p>Поистине загадочна природа, из тайны шиты все её покровы. Откуда скорбь еврейского народа во взгляде у соседкиной коровы?</p>	<p>How Mother Nature fancies obfuscation, all veiled in deepest mystery till now! How come the primal grief of Jewish nation shows in the eyes of every Russian cow?</p>
<p>В России нынче пакостней всего привычка от партера до галёрки снимать штаны задолго до того, как жопа назначается для порки.</p>	<p>Today in Russia nothing kills me more than people from parquet to paradise who would take off their trousers long before their buttocks were assigned to pay the price.</p>

<p>Мой разум сердцу честно служит, шепча ему, что повезло, что быть могло гораздо хуже, совсем херово быть могло.</p>	<p>My brain, like an attending nurse, instructs my heart: "You have good luck. It could have been a great deal worse. It could have been damn bad, old fuck!"</p>
<p>Мы варимся в странном компоте, где лгут за глаза и в глаза, где каждый в отдельности – против, а все в совокупности – за.</p>	<p>We're losing the war of attrition; deceit is our national sport: we each show a staunch opposition; we all show the strongest support.</p>
<p>А везде, где льются песни наших лет былых расейских, там незримо вьются пейсы композиторов еврейских.</p>	<p>Where the Soviet songs—each one a pearl!— still are sung, still are shining the brightest, there invisibly glossily curl the sidelocks of the Jewish songwriters.</p>
<p>В тюрьме я поневоле слушал радио и думал о загадочной России: затоптана, изгажена, раскрадена, а песни – о душевности и силе.</p>	<p>The radio, which played in prison cells, oft led me to reflect on Russia's secret: though she'd been raped & robbed like no one else, her songs exuded kindness, strength, and spirit.</p>
<p>Крайне просто природа сама разбирается в нашей типичности: чем у личности больше ума, тем печальней судьба этой личности.</p>	<p>Nature acts very simple instead to contain intellectual strife: the more brains someone has in his head, the worse fate he will meet in his life.</p>
<p>В любви и смерти находя неисчерпаемую тему, я не плевал в портрет вождя, поскольку клал на всю систему.</p>	<p>I cherished aspirations – big and small; of love and death I made an endless listing. I never spat at leaders on the wall, because I peed on the entire system.</p>
<p>Я прочёл твою книгу. Большая. Ты вложил туда всю свою силу. И цитаты её украшают, как цветы украшают могилу.</p>	<p>I have ploughed through your book: allegations of your might on its pages you gave; and this book is bedecked with quotations like with flowers, adorning a grave.</p>

<p>Вор хает вора возмущённо, глухого учит жить немой, галдят слепые восхищённо, как ловко бегают хромой.</p>	<p>A robber scolds a thief for stealing; the deaf get lectured by the mute; the blind derive a pleasant feeling from gracefulness of a galoot.</p>
<p>Когда сидишь в собраниях шумных, язык пылает и горит; но люди делятся на умных и тех, кто много говорит.</p>	<p>When sitting in a public forum, I feel my tongue is burning hot; but clever guys display decorum, while others talk an awful lot.</p>
<p>Тягостны в России передраги, мёртвые узлы повсюду вяжутся: лишь бы не пришли туда варяги – тоже ведь евреями окажутся.</p>	<p>Russia wends a slow and painful way, tying builder's knots like hangman's noose: the Varangians must be kept at bay – they are in effect the same old Jews.</p>
<p>Улетел мой ясный сокол басурмана воевать, а на мне ночует свёкор, чтоб не стала блядовать.</p>	<p>My sweet hubby is at war, fighting the unholy Moor; and good-father bangs me nightly lest I should become a whore.</p>
<p>Не меряйся сальным затасканным метром толпы, возглашающей славу и срам, ведь голос толпы, разносящийся ветром, сродни испускаемым ею ветрам.</p>	<p>Ignore the verdicts of the crowd, distributing both praise and scorn! The great unwashed, your voice is loud, but you break wind to get it borne.</p>
<p>Я спорю искренно и честно, я – чистой истины посредник, и мне совсем не интересно, что говорит мой собеседник.</p>	<p>Over verity I have dominion; when I argue, you'd better stay mute, since I never respect the opinion of my partners in any dispute.</p>
<p>Увы, всему на свете есть предел: облез фасад и высохли стропила; в автобусе на девку поглядел, – она мне молча место уступила.</p>	<p>Joys of life are but finite to us: teeth get wobbly and hair fades to gray; once I ogled a broad on a bus, and she... gave up her seat right away.</p>

<p>Много раз, будто кашу намасливал, книги мыслями я начинал, а цитаты из умерших классиков по невежеству сам сочинял.</p>	<p>Ancient classics, both minor and noted, served to beef up my book once again; but I'm ignorant: all I have quoted in effect came from under my pen.</p>
<p>Со старым другом спор полночный. Пуста бутылка, и спит округа. И мы опять не помним точно, в чём убедить хотим друг друга.</p>	<p>The squabble died like waning embers, we drank all booze we could afford; past midnight neither still remembers what was the apple of discord.</p>
<p>Россия уже многократно меняла, ища, где вольготней, тюрьму на бардак и обратно, однако обратно – охотней.</p>	<p><i>Rossiya</i>, whose symbol is <i>Ursa</i>, kept switching two modes to suffice 'er: a prison to a mess – and <i>vice versa</i>; “vice versa,” however, felt nicer.</p>
<p>А верю я всему покамест: наступит светлая пора, детей в семью приносит аист, вожди желают нам добра.</p>	<p>I still believe in Christmas stocking, that fairies cast a lucky spell, that step-moms have a mirror talking, that leaders wish us only well.</p>
<p>Все творческие шумные союзы основаны на трезвой и неглупой надежде изнасилованья Музы со средствами негодными, но группой.</p>	<p>Creative unions, they say, were formed so as more wealth to scoop and rape the Muse in every way with useless tools, but in a group.</p>
<p>Хоть я уже избыл мой жребий, хоть я ослаб умом и статью, мне до сих пор журавль в небе милей, чем утка под кроватью.</p>	<p>Though from my earthly fate I am free, though my health gets considerably worse, still a crane in the sky is much dearer to me than a duck in the hands of a nurse.</p>
<p>Нет на свете лучше дела, чем творить живую плоть. Наше дело – сделать тело, а душой снабдит Господь.</p>	<p>Procreation is the finest of the pleasures that console us – the living flesh designers; and let God supply the soul.</p>

<p>Комок живой разумной слизи так покорил и даль, и высь, что создал множество коллизий, чтоб превратиться снова в слизь.</p>	<p>A lump of living thinking slime, which has become sublime, as sure as fate now nears the time of going back to slime.</p>
<p>Если я перед Богом не струшу, то скажу Ему: глупое дело – осуждать мою светлую душу за блудливость истлевшего тела.</p>	<p>Even fearing my God, – even so, I shall tell Him: it's silly & shoddy to condemn my irradiant soul for the filth of my putrefied body.</p>
<p>Когда свернуло стрелки на закат, вдруг чувство начинает посещать, что души нам даются напрокат и лучше их без пятен возвращать.</p>	<p>Aware that life is drawing to an end, I catch myself believing more & more that we are offered human souls for rent, to be returned as spotless as before.</p>
<p>Есть люди, – их кошмарно много, – чьи жизни отданы тому, чтоб осрамить идею Бога своим служением Ему.</p>	<p>I know these folks – their name is Legion: they are a hair-curling horde whose goal is to besmirch religion by paying homage to the Lord.</p>
<p>Ощущение высшей руки в нас отнюдь не от воплей ревнителей; чувство Бога живет вопреки виду многих священнослужителей.</p>	<p>Our feelings of God aren't derived from the shouts at a votaries' orgy; we perceive God's existence despite the conspicuous look of the clergy.</p>
<p>Устав от евреев, сажусь покурить и думаю грустно и мрачно, что Бог, поспешив людям Книгу дарить, народ подобрал неудачно.</p>	<p>Stressed-out by the Jews, full of babble & noise, I think with a downhearted look that God must have made an erroneous choice when He gave 'em Hebrews the Book.</p>
<p>Навряд ли Бог был вечно – Он возник в какой-то первобытно-древний век и создал человека в тот же миг, как Бога себе создал человек.</p>	<p>The Universe and God's appearance in it had one beginning point in times of yore, and God created man the very minute that man invented God he could adore.</p>

Когда однажды, грозен и велик, над нами, кто в живых ещё остались, появится Мессии дивный лик, мы очень пожалеем, что дождались.	When right above us, in a ball of fire, above the poor survivors' silent throng, appears the shining face of the Messiah, we will be sorry we have lived this long.
На Страшный Суд разборки ради эпоху выкликнув мою, Бог молча с нами рядом сядет на подсудимую скамью.	To try my times on Judgment Day God will call out them from His stock and, having nothing more to say, He'll sit with us in felons' dock.
В сей жизни краткой не однажды бывал я счастлив оттого, что мне важнее чувство жажды, чем утоление его.	I often felt happy, thereby reimbursed for projects and plans in the making; in me, the sensation of tongue-parching thirst prevails over that of its slaking.
Лишь то, что отдашь ты, взамен и получишь, поэтому часто под вечер само ожидание женщины – лучше того, что случится при встрече.	What you give, you'll receive – this is true to the letter, and it gives me the right to insist that to wait for your date feels enormously better than to do things that garnish the tryst.
Вся история – огромное собрание аргументов к несомненности идеи, что Творец прощает каждого заранее; это знали все великие злодеи.	Human history offers us many a chance to have proof of God's lenient feelings: the Creator forgives every man in advance; this was known to all prominent villains.
Наш век в уме слегка попорчен и рубит воздух топором, а бой со злом давно закончен: зло победило, став добром.	This age, much like a crazy rover, is swinging hatchet at a wood, but war with evil is long over, and evil won, becoming good.
Разуму то холодно, то жарко всюду перед выбором естественным, где душеспасительно и ярко дьявольское выглядит божественным.	Tormented by fevers & chills, let him stand – a man with a hesitant mind; but natural choice is already at hand: the fiendish is looking divine!

Быть незаметнее и тише – важнее прочего всего: чем человек крупней и выше, тем изощрённей бес его.	Remain as modest as you can, try not to be so self-esteemin': the more distinguished is the man, the more conceited is his demon.
Я Богу докучаю неспроста и просьбу не считаю святотатством: тюрьмой уже меня Ты испытал, попробуй испытать меня богатством.	I importune my God but for a reason, and my request can not be sacrilegious: so now that You have tried me out with prison, You may attempt to try me out with riches.
Я бы с радостью этим похвастал, жалко – нету покойных родителей: нынче мысли свои очень часто я встречаю у древних мыслителей.	I would have gladly boasted of this fact, had not my dear parents passed away: today I often find my thoughts intact in ancient thinkers' books that I survey.
С Талмудом понаслышке я знаком и выяснил из устного источника: еврейке после ночи с мясником – нельзя ложиться утром под молочника.	The Talmud, I am told, is always right, so every Jewess heeds the rabbi's warning: "A wife, banged by a meatman through the night, must not spread for a milkman in the morning."
Людьми обнищав, мы сумели воочию теперь убедиться на опыте длинном, что срезанный слой плодonoсящей почвы нельзя заменить воспитанием глины.	Much understaffed, through sweat & toil, we've learnt it on a rainy day: the pared-off seam of fecund soil can't be replaced with brought-up clay.
Зря девки не глядят на стариков и лаской не желают ублажать: мальчишка переспит – и был таков, а старенький – не в силах убежать.	How sad! – in bimbos' eyes no interest glows to liven up old men's remaining days: a youngster shoots his wad – and off he goes, a vintage lover cannot flee – and stays.
Благословен печальный труд российской мысли, что хлопочет, чтоб оживить цветущий труп, который этого не хочет.	New Russian thinkers deem themselves the tops; God bless their solemn work in mid-gestation: they're trying to revive the florid corpse that stubbornly rejects resuscitation.

<p>Все предрассудки прочь отбросив, но чтоб от Бога по секрету, свинину ест мудрец Иосиф и громко хвалит рыбу эту.</p>	<p>About superstitions not giving a damn, yet knowing – God banned such a dish, wise Joseph partakes of mouth-watering ham and loudly admires this fish.</p>
<p>Всегда в особый список заносили всех тех, кого сегодня я люблю: кратчайший путь в историю России проходит через пулю и петлю.</p>	<p>A special roster used to list by name all those whom I respect and love today: as always, for the Russian Hall of Fame a noose or bullet paves the shortest way.</p>
<p>Смешно, когда толкует эрудит о тяге нашей к дружбе и доверию; всегда в России кто-нибудь сидит: одни за дух, другие за материю.</p>	<p>It's fun to see how know-it-alls in turn about our friendly trust begin to chatter; in Russia, someone always serves a term: some for the spirit, others for the matter.</p>
<p>А раньше больше было фальши, но стала тоньше наша лира, и если так пойдёт и дальше, весь мир засрёт голубка мира.</p>	<p>With former falsehood almost gone, our finer lyres play in clover, and if their piece is to go on, the Dove of Peace will crap all over.</p>
<p>Свежестью весны благоуханна, нежностью цветущая, как сад, чудной красотой сияла Ханна двадцать килограмм тому назад.</p>	<p>Far from being highfalutin', shy and graceful as a doe, Hannah shone in wondrous beauty forty-something pounds ago.</p>
<p>Мужик тугим узлом совьётся, но если пламя в нём клокочет, всегда от женщины добьётся того, что женщина захочет.</p>	<p>A man who's sharper than a needle, whose yearning heart is full of fire, sure can out of a woman wheedle contentment of her true desire.</p>
<p>Слушаю слова и обороты – странная в душе клубится смута: так Россию хвалят патриоты, словно продают её кому-то.</p>	<p>Words & phrases tantalize me in my dreams, strangest images convulse before my eyes: Russia's patriots are praising her, it seems, as if trying to increase her selling price.</p>

<p>Пусть объяснят нам эрудиты одно забавное явление: езде, где властвуют бандиты, их пылко любит население.</p>	<p>We see the same from any tower – or roof – or minaret – or steeple: wherever bandits are in power, they are the darlings of the people.</p>
<p>У власти лизжут те, кто ниже, зад безо всякого смущения, но кто умней – корыстно лизжет, а кто глупей – от восхищения.</p>	<p>The ass of the powers that be is kissed by the downline mass: the clever – expecting a fee, the silly – admiring the ass.</p>
<p>Брехню брехали брехуны, а власть захватывали урки, в итоге, правят паханы и приклатнённые придурки.</p>	<p>While the bullshitters shoveled the shit, the career cons came into power; now the leadership looks very fit: they can plunder, embezzle, and devour.</p>
<p>Летят года, но жить охота, и слепо мечутся сердца меж оптимизмом идиота и пессимизмом мудреца.</p>	<p><i>Vita brevis</i>, said the Latins; human hearts are torn for ages 'twixt the optimism of cretins and the pessimism of sages.</p>
<p>От крохи до пенсионера – теперь воруют все вокруг, одна Милосская Венера не может красть – у ней нет рук.</p>	<p>Theft is ubiquitous – life is unreal without this <i>sine qua non</i>; Venus de Milo alone cannot steal, for both of 'er hooks are gone.</p>
<p>Беспечны, безучастны, беспризорны российские безмерные пространства, бескрайно и безвыходно просторны, безмолвны, безнадежны и бесстрастны.</p>	<p>Unconcerned, unaffected, unkempt is the Russian unmeasured expanse, uneventful, unending, unspent, and impassive as if in a trance.</p>
<p>Какие дамы нам не раз шептали: «Дорогой! Конечно, да! Но не сейчас, не здесь и не с тобой!»</p>	<p>Of ladies, high-bred & high-brow, I used to know a few who whispered, “Yes! But please – not now, not here & not with you!”</p>

<p>«Вон живёт он, – люди часто врут, – все святыни хая и хуля», а меж тем я чист, как изумруд, и во мне святого – дохуя.</p>	<p>“There goes a blasphemer,” – some say so, judging me by words and telling tales, but I am as pure as driven snow and my fucking holiness prevails.</p>
<p>Декарт существовал, поскольку мыслил, умея средства к жизни добывать, а я, хотя и мыслю в этом смысле, но этим не могу существовать.</p>	<p>Descartes existed just because he thought, himself provided with sufficient means, but I—although I think an awful lot— cannot exist on thoughts alone, it seems.</p>
<p>Петух ведёт себя павлином, от индюка в нём дух и спесь, он – как орёл с умом куриным, но куры любят эту смесь.</p>	<p>A rooster thinks he wears a peacock train, like a tom turkey, he protects his nation, he’s like an eagle with a chicken brain, but hens seem to enjoy this combination.</p>
<p>Когда года, как ловкий вор, уносят пыл из наших чресел, в постели с дамой – разговор нам делается интересен.</p>	<p>Miladies, when the age condition removes the flame from our loins, the scheduled session of coition a very lengthy talk adjoins.</p>
<p>Сделать зубы мечтал я давно – обаяние сразу удвоя, я ковбоя сыграл бы в кино, а возможно – и лошадь ковбоя.</p>	<p>With a new set of teeth I’d look smart: I would smile without shame or remorse, as the Lone Ranger star for a start or perhaps play the part of his horse.</p>
<p>Израиль я хвалю на всех углах, живётся тут нескучно и упруго, евреи – мастера в чужих делах, а в собственных – помеха друг для друга.</p>	<p>O Israel! I sing you in a poem! But there’s a tricky point I should have known: the Jews are smooth in business with the <i>goyim</i>, but too obstructive dealing with their own.</p>
<p>Еврей везде еврею рад, в евреях зная толк, еврей еврею – друг и брат, а также – чек и долг.</p>	<p>A Jew is glad to see another, they both with hardships are beset: a friend & brother to each other, as well as interest & debt.</p>

В мире нет резвее и шустрей, прытче и проворней (будто птица), чем немолодой больной еврей, ищущий возможность прокормиться.	None is prompter his goals to pursue, none is faster to cover a distance than an aging and suffering Jew in a quest for the means of subsistence.
В чертах российских поколений чужой заметен след злодейский: в национальный русский гений закрался гнусный ген еврейский.	Like a rapist at night on the prowl, smugly relishing vile repercussions, the malign Jewish gene could befoul the collective unconscious of Russians.
Воздух вековечных русских споров пахнет исторической тоской: душно от несчётных прокуроров, мыслящих на фене воровской.	Perennial Russian disputers are hurt by the stifling response from numerous state prosecutors who think in the slanguage of cons!
Здесь разум пейсами оброс, и так они густы, что мысли светят из волос, как жопа сквозь кусты.	The Jewish mind is grown with hair, and thoughts through sidelocks push, obscenely flashing from out there like buttocks in the bush.
Без веры жизнь моя убога, но я найду её не скоро, в еврейском Боге слишком много от пожилого прокурора.	Devoid of faith, my life as such is scant: I need the Tutor, but Jewish God resembles much an aging prosecutor.
Зачем евреи всех времён так Бога славят врозь и вместе? Бог не настолько неумён, чтобы нуждаться в нашей лести.	We Jews are apt to verbalize when praising God & His creation, but can our God be so unwise as to require adulation?
Бог в игре с людьми так несерьёзен, а порой и на руку нечист, что похоже – не религиозен, а возможно – даже атеист.	It may appear sacrilegious, but God behaves like such a stinker that we could call Him nonreligious or maybe even a freethinker.

<p>Мне странны все, кто Богу служит, азартно вслух талдыча гимны; мой Бог внутри, а не снаружи, и наши связи с ним интимны.</p>	<p>Loud hymns & prayers you recite, but I don't share this predilection; my God lives hidden deep inside: we have an intimate connection.</p>
<p>Наступила в судьбе моей фаза упрощения жизненной драмы: я у дамы боюсь не <i>отказа</i>, а боюсь я <i>согласия</i> дамы.</p>	<p>Towards a simpler life I go and nowadays, I must confess, I'm not so scared of ladies' <i>'No!'</i> as I'm afraid of ladies' <i>'Yes!'</i></p>
<p>Слабеет жизненный азарт, ужалось время, и похоже, что десять лет тому назад я на пятнадцать был моложе.</p>	<p>The thrill of life is running low, – time units shrink in number: it seems that a decade ago I was fifteen years younger.</p>
<p>Наука описала мир как данность, на всём теперь названия прибиты, и прячется за словом «полигамность» тот факт, что мы ужасно блядовиты.</p>	<p>The scholars, having classified the world, hid many human vices rather well: poligamy, for instance, is the word that means we are lascivious as hell.</p>
<p>В игры Бога как пешка включён, сам навряд ли я что-нибудь значу; кто судьбой на успех обречён, с неременностью терпит удачу.</p>	<p>Just a pawn in God's game, I confess: I am nothing – it's vain to die trying; he whom destiny doomed to success will sustain inescapable triumph.</p>
<p>Поскольку в наших душах много свинства и всяческой корысти примитивной, любое коллективное единство всегда чревато гнусью коллективной.</p>	<p>Since many human souls are hard to soften –in search for filthy lucre all the time, – collective unanimity quite often creates conditions for collective crime.</p>
<p>Всегда в нестройном русском хоре бывал различен личный нрав, и кто упрямо пел в миноре, всегда оказывался прав.</p>	<p>The choir of Russia can't sing finer: each sings not thanks to – but despite, and those who always sang in minor turned out to be completely right.</p>

<p>Любой народ разнообразен во всём хорошем и дурном: то жемчуг выплеснет из грязи, то душу вымажет говном.</p>	<p>All nations vary a great deal, both good & evil keen to follow: they either pearls in dirt reveal or souls in liquid feces wallow.</p>
<p>Всегда <i>ланиты, перси и уста</i> описывали страстные поэты, но столь же восхитительны места, которые доселе не воспеты.</p>	<p><i>Chekes, bosoms & lippes</i> were by bards with candor & passion extolled, but just as divine are the parts, omitted by poets of old.</p>
<p>Зачем вам, мадам, так сурово страдать на диете учёной? Не будет худая корова смотреться газелью точёной.</p>	<p>Although this diet rose to fame, don't take it, my old belle! A famished cow won't look the same as a refined gazelle.</p>
<p>Попал мой дух по мере роста под иудейское влияние, и я в субботу пью не просто, а совершаю возлияние.</p>	<p>My spirit has returned, I think, into the fold of Jewish nation: on Saturdays I don't just drink, – each Saturday I pour libation.</p>
<p>Тонко и точно продумана этика всякого крупного кровопролития: чистые руки – у теоретика, чистая совесть – у исполнителя.</p>	<p>Excuses always come in good supply for any of most hideous mass murders: the mastermind has never killed a fly, the perpetrators only followed orders.</p>
<p>Давно я заметил на практике, что мягкий живителен стиль, а люди с металлом в характере быстрее уходят в утиль.</p>	<p>Soft power means living: I feel it can hottest arguments settle; and people with backbones of steel are doomed to end up as scrap metal.</p>
<p>Все дружно в России воздели глаза и в Божье поверили чудо, и пылко целует теперь образа повсюдный вчерашний Иуда.</p>	<p>God's miracle cannot elude us, all atheists feel at a loss: the past-time ubiquitous Judas is zealously kissing the cross.</p>

<p>Завёл семью. Родились дети. Скитаюсь в поисках монет. Без женщин жить нельзя на свете, а с ними – вовсе жизни нет.</p>	<p>A wife & kids I did acquire. Now, strapped for cash, my fate I curse. Without you, females, life is dire; but with you – life is even worse!</p>
<p>К бумаге страстью занедужив, писатель был мужик ледащий; стонала тема: глубже, глубже, а он был в силах только чаще.</p>	<p>A writer of fiction in need of compassion would often resort to tobacco & liquor; “I pray thee, go deeper!” Theme pleaded with passion, but Author responded by finishing quicker.</p>
<p>С улыбкой от уха до уха, любимица власти и публики, цветёт по Руси показуха и дырки сбывает, как бублики.</p>	<p>Always grinning from ear to ear, favored both by the powers & public, the corrupt Russian Muse of Veneer offers people the hole of a bublik.</p>
<p>Что-то у страны моей в утробе с собственной природой не в ладу: школа убивает вкус к учебе, а работа – рвение к труду.</p>	<p>We’ve reached the point of no return, my country has a strangest quirk: school teaches us to hate to learn, and our jobs – to hate to work.</p>
<p>Такой подлог повсюду невозбранно фасует вместо масла маргарин, что кажется загадочно и странно, что нету кривоногих балерин.</p>	<p>The sham & fake seem to have come for good, the true & real hardly can be found; but there’s one thing that can’t be understood: why bow-legged ballerinas aren’t around?</p>
<p>Мои способности и живость карьеру сделать мне могли, но лень, распутство и брезгливость меня, по счастью, сберегли.</p>	<p>With my abilities & shrewdness I could have found a better place but sloth, fastidiousness, and lewdness protected me from this disgrace.</p>
<p>Блажен, заставший время славное во весь размах ума и плеч, но есть эпохи, когда главное – себя от мерзости сберечь.</p>	<p>They blessed are who saw the time of sacrificial spilth, but we are living when it’s prime to stay away from filth.</p>

<p>Промышленность кончает с рыбным царством, растительность опять сожгла жара, кухарка управляет государством, а мясо растащили повара.</p>	<p>The trawl net catches much less fish of late, the crops are dying in the summer heat, the scull'ry maid is governing the state & thieving cooks have pilfered all the meat.</p>
<p>Скука. Зависть. Одиночество. Липкость вялого растления. Потребительское общество без продуктов потребления.</p>	<p>Blues, envy, grudge, anxiety, – the rot of sticky moods: Consumerist Society without consumer goods.</p>
<p>Среди чистейших жен и спутников, среди моральнейших людей полно несбывшихся преступников и неслучившихся блядей.</p>	<p>Among the people pure & clean, as chaste as nuns or monks, there is a bunch who could have been most vicious whores & punks.</p>
<p>Совсем на жизнь я не в обиде, ничуть свой жребий не кляню; как все в говне по шею сидя, усердно делаю волну.</p>	<p>My life is hardly any fun, – yet destiny behaves: neck-deep in shit, like everyone, I live by making waves.</p>
<p>Не зная покоя и роздыха, при лунном и солнечном свете я делаю деньги из воздуха, чтоб тут же пустить их на ветер.</p>	<p>I look for money everywhere, but hating to comply, I wring it out of the thin air to only make it fly.</p>
<p>Старик, держи рассудок ясным, смотря житейское кино: дерьмо бывает первоклассным, но это всё-таки говно.</p>	<p>When life starts to elaborate, old boy, avoid her trap: although some shit may be first-rate, it's nothing else but crap.</p>
<p>Я снял с себя российские вериги, в еврейской я теперь сижу парилке, но даже возвратясь к народу Книги, по-прежнему люблю народ Бутылки.</p>	<p>I hung my Russian shackles on a hook, Israeli swelter sears me at full throttle; although I joined the People of the Book, I still prefer the People of the Bottle.</p>

Когда в потёмках будней серых служить приходится дерьму, жизнь ужимается в размерах и превращается в тюрьму.	When one, obliging those who stink, gets on the dreary carousel, his living space begins to shrink, reducing to a prison cell.
Где нет резона громко топтать, умелец тянется ползком; чужой язык берётся жопой, чужая жопа – языком.	Tradition represents a continuity to pass eternal values to the young: to learn a tongue requires assiduity, to lick an ass requires a fluent tongue.
Надо очень увлекаться нашим жизненным балетом, чтоб не просто пресмыкаться, но ещё порхать при этом.	One has to enjoy life's novel to the brim, above & over – not to only fawn & grovel, but to also flit & hover.
Жена довольно многое должна уметь, ничуть не меньше понимая; прекрасна молчаливая жена, хоть, кажется, прекраснее немая.	A worthy wife must hear her husband out to understand his reasons to the letter; a silent wife is wonderful, no doubt, but one who's mute is definitely better.
Назло газетам и экранам живая жизнь везде царит: вранье на лжи сидит обманом и блядству пакости творит.	Despite the media conceit, the real life prevails <i>en masse</i> : lie straddles falsehood by deceit, while subtly kicking bullshit's ass.
Когда стрела врага пронзила печень, и руки отрубили – драться нечем, и крови в жилах больше не осталось, он слез с коня, он понял – это старость.	When hostile arrows pierced his liver twice and blood from severed hands suffused his eyes and heart vibrated in thoracic cage, he parked his steed – he knew: it was old age.
Неслышно жил, неслышно умер, одет молчащей глиной скучной, и во вселенском хамском шуме растаял нотою беззвучной.	His life & death ignored, he rests within a clump of clay – his mute & boring coat – now that he's in the global loutish din dissolved into a single silent note.

<p>Цветы. Негромкий гул людей. Пусть ложь, что «вечно с нами». Тупой отзвон слепых гвоздей. И тишина. И тьма. И пламя.</p>	<p>The flowers. The faces – all looking like blanks. The lie that “he always remains...” The dull clang of nails, hammered into the planks. And silence. And darkness. And flames.</p>
<p>Мужчина – хам, зануда, деспот, мучитель, скряга и тупица; чтоб это стало нам известно, нам просто следует жениться.</p>	<p>Man is but a dimwit, miser, sleaze, asshole, wanker, moron, and miscarriage; each of us may learn he’s all of these not a very long time after marriage.</p>
<p>Глупо думать про лень негативно и надменно о ней отзываться: лень умеет мечтать так активно, что мечты начинают сбываться.</p>	<p>Sloth is remote from what she seems: employing <i>yin & yang</i> duality, she is so zealous in her dreams – they start becoming a reality.</p>
<p>Хвалите, бабы, мужиков: мужик за похвалу достанет месяц с облаков и пыль сметёт в углу.</p>	<p>A gal should rightly praise her guy: for he – to please her more – can steal a crescent from the sky and even sweep the floor.</p>
<p>Вожди России свой народ во имя чести и морали опять зовут идти вперёд, а где перёд, опять соврали.</p>	<p>The Russian leader’s song & dance again incites the nation to close the ranks & to advance ... but lies of destination.</p>
<p>Россияне живут и ждут, чутко ловят малейший знак, понимают – их наебут, лишь не знают, когда и как.</p>	<p>Russians always well understood, catching each telling sign till now, that they certainly will be screwed, unaware just when & how.</p>
<p>В органах слабость, за коликой спазм, старость – не радость, маразм – не оргазм.</p>	<p>A colic is chased by a spasmus. The phase of decline has begun. Marasmus is not like orgasmus. Half-witted old age is no fun.</p>

<p>Вся история нам говорит, что Господь неустанно творит: каждый год появляется гнида неизвестного ранее вида.</p>	<p>World history, throughout its whole duration, confirms: the Lord continues His Creation and every year gives us an encore – a nit of species never seen before.</p>
<p>Всеведущ, вездесущ и всемогущ, окутан голубыми небесами, Господь на нас глядит из райских кущ и думает: разьёбывайтесь сами.</p>	<p>Omnipotent, omniscient, omnipresent, enwrapped in lofty azure on His Throne, God looks at us from Heaven iridescent and thinks: 'Sort out your fuckups on your own!'</p>
<p>Не зря ли знаньем бесполезным свой дух дремотный мы тревожим? В тех, кто заглядывает в бездну, она заглядывает тоже.</p>	<p>Why don't we this void lore dismiss that makes each soul a troubled sea? If thou gaze into an abyss, it will start gazing into thee.</p>
<p>Где льётся благодать, как из ведра, там позже – неминуемые бедствия, поскольку сотворителям добра плевать на отдалённые последствия.</p>	<p>Where sheer grace is pouring cats & dogs, there somewhat later worst disasters follow, because well-doers spit on epilogues, when sprinkling mirth on their spiritual hollow.</p>
<p>В душе еврея вьётся мрак покорности судьбе, в которой всем он – лютый враг, и в том числе – себе.</p>	<p>Submission reigns in Jewish mind: it drives a Jew to dwell detested by the humankind and – by himself as well.</p>
<p>В цепи причин и соответствий – полно случайностей лихих, у жизни множество последствий, и наша смерть – одно из них.</p>	<p>On cause-effect ramifications fortuity exerts a squeeze: this life has many implications – and our death is one of these.</p>
<p>Меня спроси или Его – у нас один ответ: старенье – сумерки всего, что составляло свет.</p>	<p>To living creatures, great & small, God proved that He was right: senescence means the fade of all that constitutes the light.</p>

Я не только снаружи облез, я уже и душевно такой, моего сластолюбия бес обленился и ценит покой.	I'm not only externally worn, but inside I am spent just as well: once a demon of lewdness & porn, now I snooze & await dinner bell.
Порой грущу при свете лунном, томясь душой перед рассветом, что снюсь, возможно, девам юным, но не присутствую при этом.	The moon enthalls me with her beams, and I start wailing in despair that seen by girls in their dreams I can't respond by being there.
Бессонница висит в ночном затишье, тоска, что ждать от жизни больше нечего, – как будто я своих четверостиший под вечер начитался опрометчиво.	Insomnia exhausts my aging brains, regrets of fleeting life appear so scary – as if I've read a lot of my quatrains, becoming in the evening quite unwary.
Без угрызений и стыда не по-еврейски я живу: моя любимая еда при жизни хрюкала в хлеву.	To live without remorse I strive, as a completely goyish guy: my favorite foodstuff, when alive, was gaily grunting in a sty.
Сосновой елью пахнет липа в семи воскресных днях недели, погиб от рака вирус гриппа, евреи в космос улетели.	A cripple makes a ballet dancer, the Second Coming happens soon, a virus can succumb to cancer, the Jews departed to the Moon.
В заоблачные веря эмпиреи подобно легкомысленным поэтам, никто так не умеет, как евреи, себе испортить век на свете этом.	Driven by the burning strife for Elysian blue, no one spoils his earthly life like a genuine Jew.
Я огорчён печальной малостью, что ближе к сумеркам видна: ум не приходит к нам со старостью, она приходит к нам одна.	An instant knowledge for a reason in twilight chilled me to the bone: old age can't bring us any wisdom, – old age is coming all alone.

Хотя проходит небольшой отрезок нашей биографии, хоть мы такие же душой – нас жутко старят фотографии.	Though not much older we became, from our eyes we can't conceal that though at heart we are the same, still photos age us a great deal.
Дряхлый турист повсеместно лётся густыми лавинами: старым развалинам лестно встретиться взглядом с руинами.	The oldie tours keep multiplying, I watch trudging geezers, aghast: these wrecks find it most gratifying to stare at debris of the Past.
Две породы лиц в российском месиве славятся своей результативностью: русское говно берёт агрессией, а говно еврейское – активностью.	Two different groups are famed in Russia's mess for their most impressive productivity: the Russian shit that cannot but aggress and Jewish shit that gains through high activity.
Мой восторг от жизни обоснован, Бог весьма украсил жизнь мою: я, по счастью, так необразован, что всё время что-то узнаю.	Praising life, I rightly feel elated, God adorned the vistas I pursue: blessed with being so uneducated, daily I discover something new.
Кончается жизни дорога, я много теперь понимаю и знаю достаточно много, но как это вспомнить – не знаю.	My years have almost filled the lifetime slot, I do not want to think what happens later, I know enough & understand a lot, but I forgot how to retrieve this data.
Все стихи – графомания чистая, автор горькую выбрал судьбу, ибо муза его неказистая вдохновенна, как Ленин в гробу.	His bungling verse will never find a use, for burlap comes off his poetic loom, and his plain-looking versifier's muse is as inspired as Lenin in his tomb.
Сегодня, выпив кофе поутру, я дивный ощутил в себе покой; забавно: я ведь знаю, что умру, а веры в это нету никакой.	This morning I had coffee, whereby in utter relaxation long I sat; I know for sure that I am gonna die, but, funnily, I have no faith in that.

Я в чаще слов люблю скитаться, бредя без цели и дороги на тусклый свет ассоциаций под эхо смутных аналогий.	I like to stray within the thick of words, without a goal, without a scheduled route, where apt associations sing like birds, while false analogies—like goblins—hoot.
Наш мирок убог и тесен, мы по духу и по плоти много жиж наших песен, текстов наших и полотен.	Inside my soul, there lives a speaker who tells the truth most unamusing: in flesh & spirit, we are weaker than our paintings, texts, & music.
Весь век я с упоением читал, мой разум до краёв уже загружен, а собранный духовный капитал – прекрасен и настолько же не нужен.	I used to read with gusto more & more, but distance to the brim was never heeded, so now my overflowing mental store is just as splendid as it is unneeded.
Цель темна у чтенья моего, с возрастом ничто не прояснилось, я читаю в поисках того, что пока никем не сочинилось.	Devouring books to no avail, of learning goals I've long disposed: I simply read to find a tale that nobody has yet composed.
Нельзя поднять людей с колен, покуда плеть нужна холопу; нам ветер свежих перемен всегда вдували через жопу.	Bondservants, finding rights & freedoms strange, will never make an up-and-coming nation; we always learned about the wind of change by way of intra-anal insufflation.
Любой талант, любой мудрец – по двум ветвям растут: кто жиж, делается жрец, а кто покруче – шут.	Of any sage or an <i>artiste</i> , whoever wins renown, the weaker kind becomes a priest, the tougher kind – a clown.
Застенчив и самонадеян, всегда с людьми, везде один, среди русских был я иудеем и был в евреях – славянин.	Afraid & fond of repercussions, a public leader & recluse, I was a Jew among the Russians and was a Slav among the Jews.

Философов труды сильней всего античных мудрецов напоминают: те знали, что не знают ничего, а эти даже этого не знают.	The books, by modern thinkers wrought, can hardly classics' shoulder pat: for those knew – all they knew was naught, while these do not know even that.
Среди еретиков и бунтарей – в науке, философии, искусстве – повсюду непременно част еврей, упрямо прозябавший в безрассудстве.	Among the stern apostates & reformists, in art & science avid to produce, we often witness Jewish nonconformists, behaving like a cannon broken loose.
В года растленья, лжи и страха узка дозволенная сфера: запретны шутки ниже паха и размышленья выше хера.	The age of lies & fear has dealt a blow to freedom's quick, by banning jokes below the belt and thoughts above the dick.
Вокруг себя едва взгляну, с тоскою думаю холодной: какой кошмар бы ждал страну, где власть и впрямь была б народной.	I look around in consternation, and thoughts in me—like tears—pool: what terror would await a nation in which the people were to rule.
Не с горечью влачу я жизнь мою, а круто благоденствую, доколе всё видимое ясно сознаю и черпаю блаженство в алкоголе.	I deem the old age blues a grim banality: my thriving life cannot be any slicker, as long as I am conscious of reality and still get inspiration from hard liquor.
В одной учёной мысли ловкой открылась мне блаженства бездна: спиртное малой дозировкой в любых количествах полезно.	I love the researcher who smartly supposes —which fact I am glad to recount— that spirits, consumed in diminutive doses, are wholesome in any amount.
Жестоки с нами дети, но заметим, что далее на свет родятся внуки, а внуки – это кара нашим детям за нами перенёсенные муки.	That kids abuse their parents is well-known, but wait until your grandkids are to follow, and then your children, harrowed by their own, the pains that you endured will have to swallow.

С людьми я избегаю откровений, не делаю для близости ни шага, допущена до соприкосновений со мной – лишь туалетная бумага.	My social intercourse is quite an issue, as I fight shy of any guy who chatters, allowing no one else but toilet tissue to interact with me on private matters.
Еврей опасен за пределом занятий, силы отнимающих; когда еврей не занят делом, он занят счастьем окружающих.	A very scary undertaking is witnessed by the neighborhood: the Jewish, free from profit-making, are working on the common good.
Увы – служители культуры, сомкнув талантливые очи, за безопасность и купюры сдаются много раньше прочих.	Suppressing qualms of conscience in the heart, to lead a steady life with greenbacks blessed, the culture workers & the men of art kneel down to evil sooner than the rest.
Поёт пропитания ради певица на службе у власти, но глуп тот клиент, кто от бляди доподлинной требует страсти.	Allegiance to power she swore – a diva who sings for subsistence, but only a dork from a whore demands to enjoy her existence.
О, если б мой еврейский Бог был чуть ко мне добрей, – ведь Он легко устроить мог, чтоб не был я еврей!	I wish my Hebrew God could be more kind and loving too by organizing easily to make me not a Jew.
Гуляка, прощелыга и балбес, к возвышенному был я слеп и глух, друзья мои – глумливый русский бес и ереси еврейской шалый дух.	A reveler incapable of schemin', the things sublime I could not hear or see, befriended by the sneering Russian demon and restless Jewish imp of heresy.
Себя отделив от скотины, свой дух охраняя и честь, мы живы не хлебом единым – но только покуда он есть.	Ascending Nature's lofty throne, – a spirit free & stout, man shall not live by bread alone – unless the bread runs out.

Ревнителю канона и традиции в любой идеологии и нации усердно служат злу в его полиции, преследующей жажду измениться.	The devotees of canon & tradition in any ideology or nation while serving evil have a special mission – to persecute reform & transformation.
Пришли ко мне, покой нарушив, раздумий тягостные муки: а вдруг по смерти наши души на небе мрут от смертной скуки?	Reflections, like those in detention, disturbed me at quarter past seven: ‘Suppose our souls post ascension expired from boredom in Heaven?’
В любое окошко, к любому крыльцу, где даже не ждут и не просят, российского духа живую пыльцу по миру евреи разносят.	In places really hard to find, in order culture to diffuse, the sparkles of Cyrillic mind are peddled out by errant Jews.
Доставшись от ветхого прадеда, во мне совместились исконно брезгливость к тому, что несправедно, с азартом к обману закона.	Opposing reactions to date my ancestors’ bloodlines unite: injustice awakens my hate and lawbreaking gives me delight.
Никто, на зависть прочим нациям, берущим силой и железом, не склонен к тонким операциям как те, кто тщательно обрезан.	No people—envied by the nations, for brutal truculence despised— excels in covert operations as that precisely circumcised.
Всё это кончилось, ушло, исчезло, кануло и сплыло, а было так нехорошо, что хорошо, что это было.	It’s over, finished, done with, clad in gloomy shrouds to quit; and all this felt indeed so bad that it feels good it did.
Одно за другим поколения приемлют заряд одичания в лучшем поле растления, предательства, лжи и молчания.	In succession, each new generation takes a shot with a charge of barbarity from corruption & muted frustration, from betrayal, untruth & disparity.

<p>От ловкости еврейской не спастись: прожив на русской почве срок большой, они даже смогли обзавестись загадочной славянскою душой.</p>	<p>There's no escape from Jewish sleight of hand, – the kosher guys are always in control: they—having lived for long in our land— got even the mysterious Russian soul.</p>
<p>На месте, где еврею всё знакомо и можно местным промыслом заняться, еврей располагается как дома, прося хозяев тоже не стесняться.</p>	<p>Wherever there's a hand in need of grease, wherever there's a paying clientele, a Jew soon gains a foothold at full ease and tells the hosts to feel at home as well.</p>
<p>Быть выше, чище и блюсти меня зовут со всех сторон; таким я, Господи прости, и стану после похорон.</p>	<p>They call on me from whoredom to depart, to purify my soul & to behave; why, all of these—God bless my weary heart!— I will become when buried in a grave.</p>
<p>Есть в идиоте дух отваги, присущей именно ему, способна глупость на зигзаги, недостижимые уму.</p>	<p>Among completely brainless jerks we often reckless heroes find: stupidity is apt to quirks beyond the reach of human mind.</p>
<p>Бегу, куда азарт посвещет, тайком от совести моей, ведь станет совесть много чище, когда не пользуешься ей.</p>	<p>I follow orders of my wiener and shun my conscience, running loose, for conscience gets immensely cleaner when put in permanent disuse.</p>
<p>Налей нам, друг! Уже готовы стаканы, снедь, бутылъ с прохладцей, и наши будущие вдовы охотно с нами веселятся.</p>	<p>The booze is chilled & grub is wholesome – let's go on an extended spree and let our future widows also enjoy the friendly jamboree.</p>
<p>Отдельные назойливые люди себя, где хочешь, могут показать; взять женщину – она молчать не будет, когда ей даже нечего сказать.</p>	<p>Some characters indeed can bore you stiff; take any pesky woman, if you may: she will continue talking – even if there's absolutely nothing left to say.</p>

<p>Найдя предлог для диалога, – Как Ты сварил такой бульон? – спрошу я вежливо у Бога. – По пьянке, – грустно скажет Он.</p>	<p>– How come, – I'll ask the Lord politely, – You cooked such prebiotic soup? – Well, I was drunk, though very slightly, – He'll say and let His shoulders stoop.</p>
<p>Я рад, что вновь сижу с тобой, сейчас бутылку мы откроем – мы объявили пьянству бой, но надо выпить перед боем.</p>	<p>Convinced that our firmness is unshrinking, let's use the store of liquor I possess – proclaiming a crusade against deep drinking, we'll need a toast assuring its success.</p>
<p>Смотрит с гвоздика портрет на кручину вдовью, а милёнка больше нет – скинулся в Жидовию.</p>	<p>Honey's portrait looks confused with our life's design, now that he himself vamoosed to the Land of Zion.</p>
<p>Я в фольклоре нашёл враньё: нам пословицы нагло врут, будто годы берут своё... Это наше они берут!</p>	<p>Though folk bywords I oft extol, truth & lies I should not combine, saying, 'Age slowly takes its toll'... What it takes is not its but mine!</p>
<p>Все дороги России – беспутные, все команды в России – пожарные, все эпохи российские – смутные, все надежды её – лучезарные.</p>	<p>Russia's roads are all fixed with rubble, all the straits in her seas are dire, all her epochs are times of trouble, all her hopes just can not be higher.</p>
<p>Так ловко стали пресмыкаться сейчас в чиновничьих кругах, что могут с лёгкостью сморкаться посредством пальцев на ногах.</p>	<p>The skills each modern toady's got allow his tongue to reach his nose, now he can even sling a shot with utmost ease by using toes.</p>
<p>У писательского круга – вековечные привычки: все цитируют друг друга, не используя кавычки.</p>	<p>Men of letters are all like brothers, not a school of voracious sharks: each of them quotes the works of others, leaving out the quotation marks.</p>

<p>Милый спать со мной не хочет, а в тетрадку ночь и день самодетельно стрóчит поебень и хуетень.</p>	<p>Honey sleeps with me no more: strolling in his rockery, he keeps scribbling lines galore of shit fucking mockery.</p>
<p>Когда всё валится из рук, с утра устал или не в духе, то злюсь на мир я, как паук, которого заели мухи.</p>	<p>When I'm all thumbs in the morning and feel deadbeat or distempered, I rage like a spider, scorning the flies who want him dismembered.</p>
<p>Мне сочинить с утра стишок, с души сгоняя тень, – что в детстве сбегать на горшок, – и светел новый день.</p>	<p>My morning dullness I beguile with writing verse, – it is like going potty as a child, – your day lights up in bliss.</p>
<p>Ценя покой в душе и нервах, я пребываю в людях средних, и хоть последний между первых, зато я первый из последних.</p>	<p>Midway between the best & worst, in quietude I'm unsurpassed: though I'm the last among the first, I'm still the first among the last.</p>
<p>Живя не грустя и не ноя, и сладость и горечь ценя, порой наступал на говно я, но чаще – оно на меня.</p>	<p>Life made me both harden & soften – sweet bitter in equal degree, but I stepped in shit not as often as it used to trample on me.</p>
<p>Какие прекрасные русские лица! Какие открытые ясные взоры! Грабитель. Угонщик. Насильник. Убийца. Растлитель. И воры, и воры, и воры.</p>	<p>Such fine Russian faces! Such good guys to handle! Such bright open eyes, free of indolent slumbers! A burglar, a twocker, a rapist, a vandal, a thug, a molester – & thieves in great numbers.</p>
<p>Ища путей из круга бедствий, не забывай, что никому не обходилось без последствий прикосновение к дерьму.</p>	<p>When trying for egress to scour, remember with no more discussions: your deals with the shitbags in power are destined to have repercussions.</p>

Тянется, меняя имя автора, вечная российская игра: в прошлом – ослепительное завтра, в будущем – постыдное вчера.	It drags on—as unending as sorrow,— the unfair Russian game that we play: in the past, there’s a dazzling tomorrow, in the future, – a drab yesterday.
Паскаль бы многое постиг, увидь он и услышь, как пьяный ‘мыслящий тростник’ поёт “Шумел камыш...”	Pascal would learn a lot, indeed, if he—among the brushes— could hear the drunken ‘thinking reed’ sing out “The Rustling Rushes”.
Век играет гимны на трубе, кабелем внедряется в квартиры, в женщине, в бутылке и в себе прячутся от века дезертиры.	As Techno Age into our sanctums delves, things new & old – we cannot reconcile them, and it’s in women, liquor & ourselves that we—deserters—seek & find asylum.
В дар за опрометчивую смелость полностью довериться удаче всё со мной случалось, как хотелось, – даже если было всё иначе.	Since my trust in luck was never taunted, my incautious courage got a prize: everything with me was as I wanted, even though it happened otherwise.
Решать я даже в детстве не мечтал задачи из житейского задачника, я книги с упоением читал, готовясь для карьеры неудачника.	Of the practical life, as it looks, from a young age I had quite a fear – I devoured miscellaneous books and prepared for a loser’s career.
Я тащусь от чудес и загадок, обожаю любые игрушки, для меня упоительно сладок запах розы и прочей петрушки.	So extraordinary my nose is –though some deem it unbecomin’— that I find the scent of roses just as sweet as that of cumin.
Зачем евреи всех времён так Бога славят врозь и вместе? Бог не настолько неумён, чтобы нуждаться в нашей лестии.	Why do we—Jewish—once again extol Him, both apart & jointly? Is God so vacuous & vain as to exist by praises only?

Своей истории верна, болея хамством, рабством, барством, Россия – дивная страна с весьма херовым государством.	Loutish, servile, affluent & hungry, loyal to its dull historic fate, Russia is a marvel of a country, managed by a bloody awful state.
Прочтите надо мной мой некролог в тот день, когда из жизни уплыву; возвышенный его услыша слог, я, может быть, от смеха оживу.	When from this world I finally break free, please read the obit notice over me, so that its overblown bombastic style would crack me up, reviving for a while.
В еврейях легко разобраться, отринув пустые названия, поскольку евреи – не нация, а форма существования.	When stripped of their denomination, the Jews look distinct from a distance, for they are—in fact—not a nation but rather a form of existence.
Пьеса “Жизнь” идёт в природе не без Божьей прихоти: одеваемся на входе и лежим на выходе.	God—to Nature’s drama center— is director’s whims imparting: actors dress up when they enter and lie supine when departing.
Знает каждый, кто до старости дорос, как похожа наша дряхлость на влюблённость, потому что это вовсе не склероз, а слепая и глухая просветлённость.	It is known to each who’s getting old: dotage is so like infatuation, – being not sclerosis, after all, but a deaf & blind illumination.
Дух мой растревожить невозможно денежным смутительным угаром, я интеллигентен безнадёжно, я употребляюсь только даром.	I’ve made a soul-awakening discovery of being selfless to a high degree: with my eggheadism way beyond recovery, I can be used exclusively for free.
Я женских слов люблю родник и женских мыслей хороводы, поскольку мы умны от книг, а бабы – прямо от природы.	I like women’s words, women’s looks, their stature & thoughts’ nomenclature, since we—men—are clever from books, while women are clever by nature.

Мы из любых конфигураций умею голос подавать: мы можем стоя пресмыкаться и на коленях бунтовать.	Historical clusters disbanding, we know how to voice our feeling: we readily grovel in standing and ardently rebel in kneeling.
Уже я начал хуже слышать, а видеть хуже – стал давно, теперь легко поедет крыша, и тихо кончится кино.	I can't hear the play of pianos, I can't see the color of clover; quite soon I'll be going bananas, and then comes the message: "Game over!"
Везде на всех похож еврей: он дубом дуб в дубовой роще, но где труднее – он умней, а где полегче – он попроще.	A Jew always blends with the milieu: he is a blockhead when walking the block; wherever it's hard he behaves like a whiz, wherever it's not – like a jock.
Чем ниже вниз, тем ниже страсти; а наверху? Наоборот? Народ своей достоин власти, а ей за что такой народ?	The lower down – the more desire swerves, but is it vice versa near the steeple? <i>A people gets the leader it deserves,</i> but is the latter free to pick his people?
В мужчине ум – решающая ценность, и сила – чтоб играла и кипела, а в женщине пленяет нас душевность и многие другие части тела.	Man must be strong—to stay in full control of everything—and equally as smart, while woman's basic values are the soul and every other lovely body part.
В этой жизни мелькнувшей земной – отживал я её на износ – было столько понюхано мной, что угрюмо понурился нос.	Of the things which are uncanny and cannot be viewed too closely, in my life I've smelled so many that my schnozzle droops morosely.
Есть люди, которым Господь не простил недолгой потери лица: такой лишь однажды в штаны напустил, а пахнет уже до конца.	Some stinkers told God in excuse, 'Forgive us – for face we did lose!' – 'You shat in your trousers,' He said. 'That smell people never forget'.

<p>Везде всегда одно из двух и очевидна безусловность. Где разум испускает дух, сей миг является духовность.</p>	<p>Just one of two enjoys the current season, allowing no coincident duality, for <i>spirit</i>, having parted ways with reason, right there appears as <i>spirituality</i>.</p>
<p>Зря не верят в мудрость зада те, кто мыслит головой: жопа есть – ума не надо, ибо ум у жопы – свой.</p>	<p>Ass's wits are distrusted in vain by the eggheads for wisdom well-known: having ass, one requires no brain, for the ass has a brain of its own.</p>
<p>Летят года: остатки сладки, и грех печалиться. Как жизнь твоя? – Она в порядке: она кончается.</p>	<p>The years go by: a slow decline is sweet, my friend. And how is life? – The life is fine: it nears the end.</p>
<p>Духовная основа русской мощи и веры, нрав которой так неистов, – святыней почитаемые мощи крупнейшего в России атеиста.</p>	<p>Sources of the potent psychedelics of a faith, impossible to crush, are found in the revered holy relics of the foremost atheist in Russia.</p>
<p>Нельзя потухшее кадило раздуть молитвами опять, и лишь законченный мудило не в силах этого понять.</p>	<p>To have a dead censer rekindled again, a prayer alone won't suffice, and only a moron or truly insane believes it's a proper device.</p>
<p>Жена меня ласкает иногда словами утешенья и привета: что столько написал ты – не беда, беда, что напечатать хочешь это!</p>	<p>At times, my wife would say with love & care the words of mild reproach & consolation: you write a lot – this fact gives me no scare, but, hell, you mean it all for publication!</p>
<p>Несобранный, рассеянный и праздный, газеты я с утра смотрю за чаем; политика – предмет настолько грязный, что мы её прохвостам поручаем.</p>	<p>Unfocused, absent-minded, shy as shame, I read newspapers at the morning tea; since politics is such a dirty game, we trust it to the meanest rogues that be.</p>

На всём лежит еврейский глаз, у всех еврейские ужимки, и с неба сыплются на нас шестиконечные снежинки.	With Jewish gait we proudly go, we give the Jewish eye and catch six-pointed flakes of snow, descending from the sky.
Только что вставая с четверенек, мы уже кусаем удила, многие готовы ради денег делать даже добрые дела.	Risen from position 'on all fours,' we're already biting on the bit, since the urge to have a heavy purse even for do-gooding makes us fit.
Обманчив женский внешний вид, поскольку в нежной плоти хрупкой натура женская таит единство арфы с мясорубкой.	Deceptive are appearances of men, but women's looks are more deceptive still, for female nature holds, from don't know when, a cross between a flute & dental drill.
Забавно, что в бурные дни любую теснят сволоту рождённые ползать – они хватают и рвут на лету.	It's telling that on stormy days the creepers are the biggest scare – afflicted with a hunting craze, they prey & pillage in the air.
Мои греховные уста в порывах радости и страсти лобзали разные места, за исключением зада Власти.	My peccable lips of a sensuous <i>putz</i> , rejoicing as it came to pass, have kissed many female erogenous spots, except for Authority's ass.
Ум полон гибкости и хамства, когда он с совестью в борьбе, мы никому не лжём так часто и так удачно, как себе.	We dull our conscience not to feel secluded, in our souls no mind too deeply delves, and no one else gets happily deluded with lame excuse as often as ourselves.
Чему так рад седой еврей в его преклонные года? Старик заметно стал бодрей, узнав про Вечного Жида.	A Jewish oldster felt so blue in his declining years – but learning of the Wandering Jew dispelled his senile fears.

В еврейях оттуда, в еврейях отсюда – весьма велики расхождения: еврей вырастает по форме сосуда, в который попал от рождения.	Wherever their parents had managed to nestle, the Jews are so different on Earth: they tend to conform to the shape of the vessel where each has been planted at birth.
Известно всем теперь отныне из наших опытов крутых: союз мерзавцев со святыми опасен только для святых.	Relieved from historic restraints, we now have this truth on a platter: a union of scoundrels & saints can compromise only the latter.
Науки знания несут нам, и констатируют врачи то несварение рассудка, то недержание речи.	Though benefits of science beg no question, the doctors can't dispel a baffling fear: they diagnose cerebral indigestion, intensified by verbal diarrhea.
Отвергнувши все компромиссы, черты преступив и границы, евреи бегут, будто крысы, и сразу летят, словно птицы.	On selling their dachas & flats, transgressing the pales, lines & skirts, the Jewish are fleeing like rats and go on by flying like birds.
Душа не терпит пустоты, и потому нам стала родиной земля подонков и святых, страна мерзавцев и юродивых.	The human soul abhors an empty space and, therefore, we took as “home, sweet home” a land of sods & saints, – a dear place that fools-in-Christ & villains deem their own.
И жить легко, и легче умирать тому, кто ощущает за собой высокую готовность проиграть игру свою в момент её любой.	To live is easy and to die – the same for those who never take it for a crime, for those who are prepared to lose the game, their lifelong game, at any point in time.
Весной прогулки длятся поздно, девицы ждут погожих дней, чтобы увидеть в небе звёзды, поскольку лёжа их видней.	Their strolls in spring extend, as time goes by, but girls await a fairer weather too – to see the stars that twinkle in the sky, since lying supine makes it quite a view.

<p>Здесь – реликвии. Это святыни. Посмотрите, почтенные гости. Гости смотрят глазами пустыми, видя тряпки, обломки и кости.</p>	<p>‘These are relics we cherish and share. Dear guests, the admission is free...’ – but the tourists just vacantly stare, seeing tatters, old bones & debris.</p>
<p>Я музу часто вижу здесь во время умственного пира, она собой являет смесь из нимфы, шлюхи и вампира.</p>	<p>My itch for writing never ends, I see Euterpe more & more; three female types she represents: a nymph, a vampire & a whore.</p>
<p>Уже давно стихов моих течёт расплавленный металл, не сможет мир забыть о них, поскольку мир их не читал.</p>	<p>My poems—clever, sharp & terse— should live until the end of time; the world will not forget my verse, – the world knows nothing of my rhyme.</p>
<p>Очень я игривый был щенок, но, дожив до старческих седин, менее всего я одинок именно в часы, когда один.</p>	<p>To group-wide fun I once was prone but old age put me on the shelf and now I feel I’m least alone when I remain all by myself.</p>
<p>Источник веры – пустота, в которой селится тревога; мы в эти гиблые места зовём тогда любого бога.</p>	<p>Religious faith is born in empty spaces where humankind’s anxieties reside because it is to these accursed places that we invite a god to come inside.</p>
<p>Глупо думать, что я лицемерю – в этом нету нужды у паяца, я кощунствую – значит, я верю, над ничем невозможно смеяться.</p>	<p>Stop suspecting aces up my sleeve – circus clowns from double-talk desist. I blaspheme, therefore I do believe. Who derides the things that don’t exist?</p>
<p>Нет, на бегство я не уповал, цепи я не рвал, не грыз, не резал, я чихал на цепи и плевал, и проела ржавчина железо.</p>	<p>To cast off my chains, I never really hoped escaping by torch cutter firin’, but I spat and pissed on them so freely that their rust has eaten through the iron.</p>

<p>Свалился мне на голову кирпич, я думаю о нём без осуждения: он, жертвуя собой, хотел постичь эстетику свободного падения.</p>	<p>A brick came crashing down upon my head. But should I now condemn it? – Not at all! It sacrificed its life to get ahead in the divine aesthetics of free fall.</p>
<p>От всех житейских бурь и ливней, болот и осыпи камней – блаженны те, кто стал наивней, несчастны все, кто стал умней.</p>	<p>From all life's storms that we perceive, and all her hardships—so ungracious, – now blessed are the more naïve, and sick at heart – the more sagacious.</p>
<p>Всё, что в душе носил, – изношено, живу теперь по воле случая и ничего не жду хорошего, хотя упрямо верю в лучшее.</p>	<p>Having not all life's hardships withstood, of some luck I am not dispossessed, so—not counting on anything good, – I continue to hope for the best.</p>
<p>Кто без страха с реальностью дружит, тот о ней достовернее судит: раньше было значительно хуже, но значительно лучше, чем будет.</p>	<p>Those whose mindset is daring & terse now assess real matters <i>per se</i>: in the past, it was notably worse, yet much better than 'twill be one day.</p>
<p>О, как же тускло мы живём, коль ищем радостей в метании меж одиночеством вдвоём и одиночеством в компании!</p>	<p>Our life is dull – its pleasures froze between two gloomy ends: the loneliness with someone close and solitude with friends.</p>
<p>Так жаждем веры мы, что благо – любая искра в поле мглистом, и тяжела душе отвага оставить разум атеистом.</p>	<p>We long for faith because we bless each spark that we in darkness find, and our soul gets in distress when leaves an atheistic mind.</p>
<p>Рассекая житейское море, тратить силы не стоит напрасно; если вовсе не думать, то вскоре всё на свете становится ясно.</p>	<p>When plowing through the sea of life, stop wasting energy, my friend, get rid of thoughts, appease your strife, and see the world you'll comprehend.</p>

Когда повсюду страх витает и нрав у времени жесток, со слабых душ легко слетает культуры фиговый листок.	When primitive fears return in the news, and time preys on us like a vulture, our shivering souls very easily lose the virtuous fig leaf of culture.
Тернистый путь к деньгам и власти всегда лежит через тоннель, откуда лица блядской масти легко выходят на панель.	The thorny path to wealth & power, as always, runs through tunnelway, from which ass-peddlers-by-the-hour go hustling till the break of day.
Я соблюдаю такт и честь по месту, где я нахожусь, – то я кажусь умней, чем есть, то я умнее, чем кажусь.	To show good tact, I never scam but both dramatic parts esteem, – here I seem smarter than I am, there I'm more clever than I seem.
Есть люди – их усилия немалы, – хотящие в награду за усердие протиснуться в истории анналы, хотя бы сквозь анальное отверстие.	I know of buggers with important channels who – thanks to their lubricity & sleaze – can squeeze & slip into the modern annals – by way of anal orifice – with ease.
Сейчас такая знаний бездна доступна всякому уму, что стало спорить бесполезно, и глупо – думать самому.	Vast multitudes of different lore are now provided off the shelf – it's dumb to argue any more and go on thinking for oneself.
Кругам идейного актива легко понять посредством нюха, что слитный запах коллектива – отнюдь не есть единство духа.	The pushers of ideas don't look proud: they strayed off their course – unfit to steer it; indeed, the sweaty smell of motley crowd has never meant the unity of spirit.
Забавные печали нас измучили, былые сокрушая упования: не знали мы, что при благополучии угрюмее тоска существования.	Amusing griefs tormented us all over, by crushing our hopes & stress resistance: we didn't know that living life in clover made more acute the anguish of existence.

<p>Есть люди – тоньше нюх, чем у собаки, они вдыхают запахи и ждут: едва лишь возникают сучьи знаки, они уже немедля тут как тут.</p>	<p>Some humans have the sense of smell most fine, which even canines hardly could outdo: as soon as bitch's markings one would find, the rest come in an instant – right on cue.</p>
<p>Бывало – вылетишь в астрал, паришь в пространстве безвоздушном, а там в порыве простодушном уже коллега твой насрал.</p>	<p>I loved ascending to the astral plane, and there—in airless space—I used to float, until one of my colleagues, dumb & vain, secured his take by having dumped a load.</p>
<p>Вот женщина шлёт зеркалу вопрос, вот зеркало печальный шлёт ответ, но женщина упрямо пудрит нос и красит увядание в расцвет.</p>	<p>The woman asks the mirror on the wall, – the mirror's answer comes replete with gloom; the woman grabs her makeup, standing tall, and soon repaints her fade into a bloom.</p>
<p>Я курю, выпиваю и ем, я и старый – такой же, как был и практически нету проблем даже с этим – но с чем, я забыл.</p>	<p>I still smoke, I still booze, I still eat: being old, I'm the same as before, I could even with youngsters compete... ... but in what – I remember no more.</p>
<p>Мне забавна картина итога на исходе пути моего: и вполне я могу ещё много, и уже не хочу ничего.</p>	<p>Much amused with the total – life brings with events, facts & figures aplenty, I'm still able to do many things, but I don't plan accomplishing any.</p>
<p>Уже немалые года мой хер со мной отменно дружен, торча во младости всегда, а ныне – только если нужен.</p>	<p>It is for many years, forsooth, that I've been well-endowed: a constant stiffy – in my youth, an ad hoc boner – now.</p>
<p>Негоже до срока свечу задуть, – нам это веками твердят, однако тому, чьё пространство – кровать, нет лучше лекарства, чем яд.</p>	<p>'Do not snuff your candle,' someone said, 'let it fully at its flame rejoice...' – yet to those confined to life in bed poison seems to be the drug of choice.</p>

<p>Творец расчислил наперёд любое наше прекословье: вторая молодость берёт у нас последнее здоровье.</p>	<p>The Maker gave us this unyielding truth to counteract all human ruse & stealth: if there is such a thing as ‘second youth,’ it robs us of entire remaining health.</p>
<p>За мелким вычетом подробностей невмочь ни связям, ни протекции помочь ни в области способностей, ни в отношении эрекции.</p>	<p>Without specifics, life has simple trends – it always tries to choose the right direction; remember: neither nepotism nor friends can help with either talent or erection.</p>
<p>Исполнена свободы жизнь моя – как пение русалочье во мраке, как утренняя первая струя у вышедшей на улицу собаки.</p>	<p>With sweet freedom my days overflow – like the nymphs’ nightly calls indiscreet, like the morning initial let-go of a dog being walked in the street.</p>
<p>Память наша густо поросла дырами на месте стыдных бед, в ней уже сегодня без числа разных неслучившихся побед.</p>	<p>From shameful memories of old our history now frees, becoming a capacious hold for cooked-up victories.</p>
<p>Никто ловчей, чем лилипуты различных видов и размеров, не изготавливает пугы, чтобы стреножить гулливеров.</p>	<p>Who—better than the Lilliputians— can manufacture such a hobble that offers optimal solutions to render gullivers immobile?</p>
<p>В Израиле, в родной живя среде, смотрю на целый мир я свысока, такой страны прекрасной нет нигде, но нету и у нас её пока.</p>	<p>O Israel, you’ve long become my home, there is no place on Earth as good & dear, you are so fair a land, Eretz Shalom, that as of yet we haven’t found it here.</p>
<p>Не могу эту жизнь продолжать, а порвать с ней – мучительно сложно; тяжелее всего уезжать нам оттуда, где жить невозможно.</p>	<p>Unable such a life to bear, I fear to slam its door; the hardest is to flee from there where you can live no more.</p>

Цветут махрово и упрямо плодов прогресса семена: снобизм плебея, чванство хама, высокомерие говна.	The worst are winning far & wide, – the best can not deter plebeian snobbery, fool's pride, and roughneck scum's hauteur.
Где лгут и себе и друг другу, и память не служит уму, история ходит по кругу: из крови – по грязи – во тьму.	Where people lie finely & grossly, and memory is intellect's tomb, there – history cycles morosely: from blood – through debris – into gloom.
Куда по смерти душу примут, я с Богом торга не веду; в раю намного мягче климат, но лучше общество в аду.	Why asking God-like does a fretful child – to where in afterworld my soul would speed? – in Paradise, a breeze is cool & mild, but Hell comprises <i>tout le corps d'élite</i> .
Гниенье основ – анекдота основа, а в нём стало явно видней, что в русской комедии много смешного, но мало весёлого в ней.	The jokes' account of life is quite meticulous, and many telling signs it is containing that comedy of Russia is ridiculous, but – far from ever being entertaining.
Как ни предан зелёному змею, а живу по душе и уму, даже тем, чего сам не имею, я обязан себе самому.	Under John Barleycorn's full command, still on judgment & reason I've betted: even for what I don't have in hand to my old self alone I'm indebted.
Живи и пой. Спешить не надо. Природный тонок механизм: любое зло – своим же ядом свой отравляет организм.	Don't hasten it – relax and live in style, for Nature has a special covert mission: thus every evil takes its poisoned bile to expedite its imminent perdition.
С любым доброжелателен и прост, ни хитростью не тронут, ни коварством, я – выжига, пройдоха и прохвост, когда имею дело с государством.	Kind & honest – both in act & look, with a conscience – spick & span to date, I become a cunning fraud & crook, when engaged in dealings with the State.

С возрастом я понял, как опасна стройка всенародного блаженства: мир несовершенен так прекрасно, что избáви Бог от совершенства.	With age, I realized it was unreal to build a realm of bliss & fond affection: the world was made expressly non-ideal, so God forbid it should attain perfection.
Не в силах жить я коллективно по воле тягостного рока: мне с идиотами – противно, а среди умных – одиноко.	To a collective life unsuited, amid the human multitude, I feel disgusted by the stupid and fail befriending the astute.
Есть бабы – храмы: строг фасад, чиста невинность красок свежих; а позади – дремучий сад, притон прохожих и проезжих.	Some women look akin to temples, whose chaste façades are freshly painted, but whose back gardens are examples of brothels for the unacquainted.
Будь опаслив! Извечно готово люто сплетничать женское племя, ибо в женщине всякое слово прорастает не хуже, чем семя.	Look out! The zeal for gossip quite inhuman exists for ages in the tribe of women: an evil word implanted in a woman can impregnate her much the same as semen.
У женщин дух и тело слитны; они способны к чудесам, когда, как руки для молитвы, подъемяют ноги к небесам.	Women combine flesh & spirit, no doubt, when – to enchant dough with leaven, – like hands in orisons deep & devout, they hold up bare feet to Heaven.
Всегда мне было интересно, как поразительно греховно духовность женщины – телесна, а тело – дьявольски духовно.	Woman wears an expression so quizzical, baffling Man since the time immemorial, for her soul is so heavenly physical, and her body – so damn incorporeal.
Известно даже недоумку, как можно духом воспарить: за миг до супа выпить рюмку, а вслед за супом – повторить.	Each dolt can teach you on the spot how to relax your mind: precede the soup by a vodka shot and then succeed in kind.

<p>Мне повезло на тех, кто вместе со мной в стаканах ищет дно; чем век подлей, тем больше чести тому, кто с ним не заодно.</p>	<p>God bless my buddies who remained unswerving in boozing, as the way of manly grace; the meaner is the age, the more deserving are those who stay away from its embrace.</p>
<p>Редееет волос моих грива, краснеют припухлости носа, и рот ухмыляется криво ногам, ковыляющим косо.</p>	<p>My mane of gray hair gets thinner, my nasal tumescences redden, I wear a wry smile of a sinner, my feet limp as if they were leaden.</p>
<p>В любви и пьянстве есть мгновение, когда вдруг чувствуешь до дрожи, что смысла жизни откровение тебе сейчас явиться может.</p>	<p>Love & booze both uncover a cache when you feel—in a vibrant surprise— that the meaning of life in a flash may emerge right in front of your eyes.</p>
<p>К родине любовь у нас в избытке теплится у каждого в груди, лучше мы пропьём её до нитки, но врагу в обиду не дадим.</p>	<p>We love our land that flows with milk & honey, in our hearts the warmest feelings glow, we'd rather sell it whole and guzzle the money than let it fall into the hands of foe.</p>
<p>Какое счастье – рознь календарей и мой диапазон души не узкий: я в пятницу пью водку как еврей, а в ша́бес – после бани – пью как русский.</p>	<p>The calendar traditions I pursue rejoice me twice as good without discussion: on Friday I drink vodka as a Jew, on Sabbath—after steam bath—as a Russian.</p>
<p>Те, кто на жизнь в своей стране взглянул со стороны, живут отныне в стороне от жизни их страны.</p>	<p>All those who of their countryside could get an outer sight are now residing far outside their native countryside.</p>
<p>Кануть в Лету царям суждено, а поэты не тают бесследно; царский миф – послезавтра говно, пьяный нищий – наутро легенда.</p>	<p>Emperors are soon to be forgotten, poets—on the contrary—remain; royal corpse decays, becoming rotten, testate poet only starts his reign.</p>

Когда мила родная сторона, которой возлелеян и воспитан, то к ложке ежедневного говна относишься почти что с аппетитом.	When homeland—by birthright conferred— appears to you loving & nice, a spoonful of her daily turd becomes an acceptable spice.
Пахан был дух и голос множества, в нём воплотилось большинство; он был великое ничтожество, за что и вышел в божество.	Kingpin Joe was the spirit & voice of the spitefully silent majority, a great nobody by his own choice, a harsh god full of inferiority.
Однажды здесь восстал народ и, став творцом своей судьбы, извёл под корень всех господ, теперь вокруг одни рабы.	Here people rose in a revolt to mete out their own fate, they did away with master-folk, and none but slaves remained.
Об утечке умов с эмиграцией мы в России нисколько не тужим, потому что весь ум ихней нации никому здесь и на хер не нужен.	The constant drain of Jewish brains is Russia's least concern, she wipes her bottom on the gains their presence might return.
Изверившись в блаженном общем рае, но прежние мечтания любя, евреи эмигрируют в Израиль, чтоб русскими почувствовать себя.	Distrustful of the commie paradise, the Jewish still for their delusions care, on Israel they set their hoping eyes so as to feel like Russians over there.
Забавен русской жизни колорит, сложившийся за несколько веков: с Россией её совесть говорит посредством иностранных языков.	For many ages having been astir, it is to this result that Russia comes: the still small voice of conscience talks to her entirely & exclusively in tongues.
Возможность лестью в душу влезть. Никак нельзя назвать растлением. Мы бесконечно ценим лесть. За совпадение с нашим мнением.	Appeal to flattery bears a close relation to vanity, it's to self-pride a minion; we infinitely value adulation for coinciding with our own opinion.

<p>Евреи слиняли за долей счастливой, а в русских пространствах глухих укрылись бурьяном, оделись крапивой могилы родителей их.</p>	<p>All local Jews to better lands have flown, but here—amid the sullen Russian plain, with dense ill weeds & nettles overgrown,— the graves of their parents still remain.</p>
<p>Конечно, веру не измеришь, поскольку мера – для материи, но лучше веровать, что веришь, чем быть уверенным в неверии.</p>	<p>Spirit cannot be gauged – it’s a wraith, only matter has size & motif, but I’d rather believe I have faith than feel certain of my unbelief.</p>
<p>Кто свой талант на провиант не медлит разменять, скорее всё же не талант, а одарённый блядь.</p>	<p>A man who hastens to exchange his gift for foods galore can’t fall within the talents’ range – he’s just a gifted whore.</p>
<p>Поскольку мир – сплошной бардак, в нём бабы ценятся везде, искусство бабы – это КАК, а ум – КОМУ, КОГДА и ГДЕ.</p>	<p>Since the world is a brothel till now, dames are valued so highly by men, woman’s art shows its essence in HOW, and her wisdom – in WHOM, WHERE & WHEN.</p>
<p>А если нас какая сука начнёт учить не воровать, то улетит быстрее звука, который будет издавать.</p>	<p>And should any bitch of a dubious breed start teaching us, “You shall not steal,” he’ll fly out of here with a kick-driven speed, outrunning the sound of his squeal.</p>
<p>Есть в природе гармония вещая, от неё наши вкусы и нормы, отчего содержание женщины – это прежде всего её формы.</p>	<p>Nature’s harmony keeps wisely loomin’, bringing forth our likings & norms, this explains why the substance of woman chiefly lies in the shape of her forms.</p>
<p>Я три улады в жизни знал, предавшись трём Любоям: перу я с бабой изменял, а с выпивкой – обоим.</p>	<p>By three main loves in life set aflame, disregarding the loyalty oath, I two-timed poet’s quill with a dame, but with liquor I cheated on both.</p>

Спеши, подруга! Ветер лет несёт нам осень вместо лета, уже и лес полураздет, а ты, дружок, ещё одета.	Don't linger, love! The wind of our years brings autumn's chill, now that the summer's gone; the wood is semi-nude... the skies shed tears, since you, <i>cherie</i> , still have all garments on.
Традиции наши – крутые, зато мы ничуть не лукавим: убитого пишем в святые, живого – собаками травим.	From our traditions you'd faint, the grade of their toughness astounds: one done-for becomes a new saint, one living gets hunted with hounds.
Отчизны верные сыны, горячим рвением полны, отчизны верных дочерей мы превращаем в матерей.	The faithful sons of Fatherland, we are inflamed with ardor and the faithful daughters of their fathers we turn into expectant mothers.
Женщине к лицу семья и дом, гости и бесцельные расходы; занятая умственным трудом, женщина грешит против природы.	<i>Kinder, Küche, Kirche</i> – these appear to be making women better still; occupied with brainwork – dames, my dear, often sin against the Nature's will.
Устройство мироздания – посредственно, как циники твердят и старики: плохое получается естественно, хорошее – творится вопреки.	The Maker used no moral nomenclature, – the good & bad were hardly ever split; still bad things happen in the course of nature, while good things – only contrary to it.
Смотрю косым на правду взглядом, боюсь её почти всегда: от правды часто веет смрадом доноса, сыска и суда.	The truth, at which I look askance, sends shivers down my spine: it reeks of legal song & dance with rulings to confine.
Кромсая сложности и трудности и обессилев за года, я берегу теперь зуб мудрости лишь для запретного плода.	By crunching ills & woes from youth, with age much weaker I have grown, and now I keep my wisdom tooth for the Forbidden Fruit alone.

<p>Всюду тайно и открыто слышны речи, что России нужно срочное лечение, и она благодарит за них, калеча всех печальников, явивших попечение.</p>	<p>Far & near, we hear both frank & secret speeches in regard to Russia's need for urgent treatment, and she thanks each speaker, who exhorts & preaches, mutilating all for their intense commitment.</p>
<p>Напрасно разум как ни мучай, грядущих лет недвижна тьма, рулетку жизни вертит случай, смеясь убожеству ума.</p>	<p>We nettle Reason, trying to advance, but Future still looks dark & undefined, the wheel of Life's roulette is spun by Chance who laughs at the debility of Mind.</p>
<p>Мне потому легко гордиться лицом народа своего, что не боюсь я вслух стыдиться обильных мерзостей его.</p>	<p>I pride myself upon my nation's face so easily – because I don't feel scared to be ashamed out loud of the disgrace with which its reputation was impaired.</p>
<p>Чтоб несогласие сразить и несогласные заклики, еврей умеет возразить ещё не высказанной мысли.</p>	<p>To always win in a dispute and to exterminate dissent, a Jew can instantly refute each yet unspoken argument.</p>
<p>Евреи знали унижение под игом тьмы поработителей, но потерпевши поражение, переживали победителей.</p>	<p>The Jews were oft humiliated and suffered foreign occupation, but, having been precipitated, each time survived the winning nation.</p>
<p>В жизненных делах я непрактичен, мне азарт и риск не по плечу, даже как еврей я нетипичен: если что не знаю, то молчу.</p>	<p>When it comes to practical affairs, I am never boisterous or violent, on the Jewish scale I'm downstairs: if I don't know something, I keep silent.</p>
<p>Скитались не зря мы со скрипкой в руках: на землях, евреями пройденных, поют и бормочут на всех языках еврейские песни о родинах.</p>	<p>A Jew with a fiddle leaves nothing unsung: wherever he happened to roam, the natives still sing—each in their local tongue— the Jewish-made clones of "Sweet Home."</p>

<p>Повсюду, где варят искусство из трезвой разумной причины, выходит и вяло и грустно, как секс пожилого мужчины.</p>	<p>Where the art is conceived to forgo all the things, raving mad & contrarian, it turns out to be flabby & slow, like the sex with a sexagenarian.</p>
<p>В толпе не теснюсь я вперёд, ютясь молчаливо и с краю: я искренне верю в народ, но слабо ему доверяю.</p>	<p>In a crowd, I avoid the front row and quiescently cling to the hem: I believe in my people, you know, but I'm often distrustful of them.</p>
<p>Много всякого на белом видя свете в жизни разных городов и деревень, ничего на белом свете я не встретил хитроумней и настойчивей, чем лень.</p>	<p>On God's earth, during down- & upswing, in the cities or hamlets – or both, I have never encountered a thing, more insistent & cunning than sloth.</p>
<p>Прося, чтоб Господь ниспослал благодать, еврей возбуждённо качается, обилием пыла стремясь наебать того, с кем заочно встречается.</p>	<p>In prayer, sways a pious Jew to better his existence: with extra zeal he tries to screw his helper in the distance.</p>
<p>Навряд ли Бог назначил срок, чтоб род людской угас, – что в мире делать будет Бог, когда не станет нас?</p>	<p>God hardly could appoint a date to end the human race, – what would He do to compensate for the unpeopled space?</p>
<p>Нынче видит лучше или хуже каждый наблюдательный Емеля: ясно видит жопу – кто снаружи, а кто в жопе – свет в конце туннеля.</p>	<p>The looking locus makes our verdicts split, and this is what observers see, my friend: those from without – a craphole, deep in shit; those from within – the light at tunnel's end.</p>
<p>Наш путь из ниоткуда в никуда – такое краткосрочное событие, что жизни остаётся лишь черта меж датами прибытия-убытия.</p>	<p>Our trip from naught to nothing is a flash, and such a little while it is, no doubt, that life is left with just a single dash between the dates of check-in & check-out.</p>

<p>Не сто́ит на друзей смотреть сурово и сдержанность лелеять как профессию, нечаянное ласковое слово излечивает скрытую депрессию.</p>	<p>You shouldn't look so sternly at your friends nor cherish self-restraint as your profession, a random gentle word from you amends their sullen mood & cures concealed depression.</p>
<p>Судьбой, природой, Божьей властью, но кем-то так заведено, что чем постылей наше счастье, тем комфортабельней оно.</p>	<p>By fate, by chance, by God's finesse, by whomsoever who decides, the worse feels our happiness, the better comfort it provides.</p>
<p>Глядя на теченье жизни брэнной, я всё больше убеждаюсь лично: невозможно быть одновременно умной, трезвой и оптимистичной.</p>	<p>My life passes by like a dull pantomime, I keep on collecting convincing statistic: A lady like me cannot be at a time intelligent, sober, and yet optimistic.</p>
<p>Мужчина должен жить не суетясь, а мудрому предавшись разгильдяйству, чтоб женщина, с работы возвратясь, спокойно отдыхала по хозяйству.</p>	<p>All sorts of much ado, a man must shirk to wisely steer a carefree living course, so that his woman, coming home from work, could rest by doing housekeeping chores.</p>
<p>Будь сам собой. Смешны и жалки потуги выдуманным быть; ничуть не стыдно – петь фиалки и зад от курицы любить.</p>	<p>Just be yourself & mock the crazies who put on other people's clothes; don't be ashamed to sing the daisies and to enjoy the parson's nose.</p>
<p>На дворе стоит эпоха, а в углу стоит кровать. И когда мне с бабой плохо, на эпоху мне плевать.</p>	<p>A new epoch knocks at door, on my lonely bed I sit. If my gal loves me no more, this new epoch can go spit.</p>
<p>Являют умственную прыть пускай мужчины-балагуры, а даме ум полезней скрыть – он отвлекает от фигуры.</p>	<p>Let smart-ass jokesters make a hit and get the praise male brain deserves, while ladies should conceal their wit – a mere distraction from their curves.</p>

<p>Однажды человека приведёт растущее техническое знание к тому, что абсолютный идиот сумеет повлиять на мироздание.</p>	<p>The speed of progress would, as we once heard, subject the humans to the worst temptation: when a demented moron could exert a lot of pressure on the Lord's creation.</p>
<p>Скатилась по щеке слеза от неожиданного счастья: мы проголосовали – “ЗА!” и вновь без нашего участия.</p>	<p>I cannot check the tears of joy that down my cheeks began to roll: once more we voted 'YES!', old boy, not casting ballots, one & all.</p>
<p>Красив, умён, слегка сутул, набит мировоззрением. Вчера в себя я заглянул – и вышел с омерзением.</p>	<p>Genteel & learned, in a way, I still remain nonplussed: I've peeped into myself today – and fled in sheer disgust.</p>
<p>Себя от себя я усердно лечу, живя не спеша и достойно. Я бегая медленно, тихо кричу и гневаюсь очень спокойно.</p>	<p>To cure myself of my being extreme, I live in a moderate fashion: I run very slowly, and silently scream, and anger with calm & compassion.</p>
<p>Хотя люблю гулящих женщин, но человек я не пропащий, и стал я пить гораздо меньше, поскольку пью намного чаще.</p>	<p>Though I'm the 'player' kind of guy, my soul is not completely lost: I drink more often – that is why it takes LESS booze to get me sauced.</p>
<p>Когда нас учит жизни кто-то, я весь немею; житейский опыт идиота я сам имею.</p>	<p>Told how to live, I grow all numb from bossy tone; I don't need skills of someone dumb – I have my own.</p>
<p>Душа у женщины легка и вечно склонна к укоризне: то нету в жизни мужика, то есть мужик, но нету жизни.</p>	<p>Each woman knows the world is full of strife – the truism to accept & to forgive. Now she ain't got no husband in her life, now she's got one, but no more life to live.</p>

<p>Вновь закат разметался пожаром – это ангел на Божьем дворе жжёт охапку дневных наших жалоб. А ночные он жжёт на заре.</p>	<p>The sunset rages like a forest fire – 'tis duty angel in the Lord's backyard our day complaints is burning on a pyre. The night ones he at sunrise will discard.</p>
<p>Мне жаль небосвод этот синий, жаль землю и жизни осколки. Мне страшно, что сытые свиньи страшней, чем голодные волки.</p>	<p>Outside the windows of my digs, I see the gloomy tangled woods. I am afraid that sated pigs are scarier than hungry wolves.</p>
<p>Опять пустые разговоры, с концами не свести концы... Нас учат честной жизни воры, и – благородству – подлецы.</p>	<p>Again – 'hot air' & vanity... They say we ought to make ends meet, – the thieves who teach us honesty, and cads who teach us noble creed.</p>
<p>Я не улучшусь, и поздно пытаться, кончена пьеса, течёт эпилог. Раньше я портил себе репутацию, нынче я порчу себе некролог.</p>	<p>I won't improve, – the train has left the station, my jig is up, though epilogue's still brewin'. Before, I used to blot my reputation, but now, it is my obit that I ruin.</p>
<p>Строчки вяжутся в стишок, море лижет сушу. Дети какают в горшок, а большие – в душу.</p>	<p>Poets can be very dotty, cosmic space is full of holes. Children poop in their potty, grownups poop in living souls.</p>